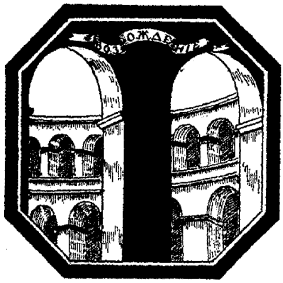
Проф. Р. ВИППЕРЪ

КРУГОВОРОТЪ ИСТОРІИ



1 9 2 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЗРОЖДЕНІЕ
МОСКВА ★ БЕРЛИНЪ

Проф. Р. ВИППЕРЪ

КРУГОВОРОТЪ ИСТОРІИ

1 9 2 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЗРОЖДЕНІЕ
МОСКВА * БЕРЛИНЪ

Исключительное право изданія предоставлено Товариществомъ „Задруга“ издательству „Возрожденіе“

+ 125
28

Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW 68, Alte Jakobstr. 129

ПРЕДИСЛОВІЕ

Предлагаемый сборникъ состоитъ изъ 7 статей, которыя всѣ являются докладами или публичными лекціями. Изъ нихъ только одна — «Трагедія женскаго освобожденія» — была прочитана въ 1917 году, остальныя шесть относятся къ 1920 году.

Когда эти работы составлялись, авторъ былъ далекъ отъ мысли о включеніи ихъ въ какую-либо цѣльную систему. Онѣ были прочитаны въ разныхъ кругахъ, то болѣе тѣсныхъ, то болѣе широкихъ, по различнымъ поводамъ. Тѣмъ не менѣе, теперь, когда онѣ лежатъ передъ составителемъ всѣ вмѣстѣ, онъ находитъ въ нихъ общія, объединяющія черты. Во всѣхъ статьяхъ такъ или иначе дѣло идетъ объ оцѣнкѣ современной общественности, о выясненіи переживаемаго ею кризиса.

Невольно хотѣлось отвлечься отъ впечатлѣній ближайшихъ и непосредственныхъ, въ силу которыхъ современность кажется результатомъ послѣднихъ катастрофъ, войны и гражданскаго междоусобія. Напротивъ, въ самыхъ катастро-

фахъ думалось увидѣть естественныя послѣдствія роковыхъ данныхъ, заложенныхъ въ предшествующей культурѣ, которую мы привыкли звать культурой XIX вѣка. Обозрѣвая свои статьи и лекціи въ цѣломъ, авторъ чувствуетъ, что какъ бы ни была спеціальна тема, лежавшая въ основѣ каждой изъ нихъ, онъ неизбѣжно возвращался къ критикѣ системы жизни и міровоззрѣнія XIX вѣка. При этомъ его вниманіе особенно останавливалось на слѣдующихъ чертахъ:

1. На скоротечности развитія, нервической поспѣшности, жадности и неумѣренности устремленій общества, явленіяхъ, которыя и привели къ внезапной гибели культуры. Въ исторіи нѣтъ примѣра столь быстраго распаденія едва сложившейся цивилизаціи.

2. На увлеченіи новѣйшаго вѣка вопросами техники, машинными усовершенствованіями, развитіемъ разрушительныхъ и истребительныхъ средствъ, ускореніемъ сообщеній наряду съ упадкомъ личныхъ умѣній, съ сокращеніемъ оригинальной личной жизни.

3. На демократизаціи понятій, нравовъ, учрежденій и развитіи крайней нетерпимости между классами и общественными группами, при неумѣньи рѣшить задачи соціальнаго устроенія.

4. На самонадѣянности, безконечномъ критиканствѣ, крикливости вѣка, постоянныхъ идейныхъ противорѣчіяхъ, лицемѣріи пасифизма и эгалитаризма, при наличности жестокости, во-

инственности, зависти, усиленнаго желанія поставить себя въ привилегированное положеніе.

Статьи «Трагедія женскаго освобожденія» и «Вѣчность войны» имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, полусознанную неискренность, фальшивый идеализмъ въ современномъ міровоззрѣніи.

Стараясь дать характеристику современной общественной психологіи, авторъ не могъ, однако, уйти отъ вопросовъ близкаго будущаго. Возможно-ли возрожденіе прежней системы жизни? Предстоитъ ли дальнѣйшее развитіе техники, или напротивъ возвратъ къ средневѣковому варварству? Изжиты-ли идеи демократіи XIX вѣка, сокрушились-ли онѣ, и чѣмъ онѣ могутъ быть замѣнены? — эти вопросы, правда, не поставлены прямо, но они всѣ волновали и толкали впередъ мысль автора. Подъ ихъ вліяніемъ сложилось представленіе о нѣкоторыхъ возможныхъ формахъ грядущаго культурнаго возрожденія. (Сюда относятся статьи «Цехъ умственнаго труда и частная высшая школа» и «Образовательное значеніе изученія античности»).

Въ лихорадочно поспѣшной, безпорядочной, больше разрушавшей, чѣмъ созидавшей культурѣ современности, человѣкъ много забылъ, утратилъ тайны сохраненія жизни, которыми обладала старина. Неизбѣженъ сталъ возвратъ къ природѣ, простотѣ, самодѣятельности, возстановленію и обереганію быта, унаслѣдованнаго отъ временъ болѣе устойчиваго существованія.

Изъ старыхъ силъ государство, повидимому, надолго разрушилось и ослабѣло; возрожденіе культуры пойдетъ путемъ частныхъ усилій, личной иниціативы, дѣятельности союзовъ, кооперацій, религіозныхъ обществъ и т. д. Процессъ возстановленія, долгій и мучительный, авторъ называетъ метафорически возвратомъ къ средневѣковью (сюда относятся статьи «Гибель индустріальной системы» и «Національность и культура»).

Статья о гражданскихъ войнахъ въ Римѣ при всей отдаленности сюжета представляетъ, однако, рядъ аналогій съ современностью. Особенно любопытна для насъ тѣсная связь коммунизма съ имперіализмомъ, переходъ внѣшнихъ войнъ въ гражданскія междоусобія, а затѣмъ непомѣрное развитіе войска, въ результатѣ продолжительныхъ войнъ, въ самостоятельную силу, которая становится опасной для гражданскаго общества.

КОНЕЦЪ ИНДУСТРІАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Въ одномъ тѣсномъ обществѣ, гдѣ съ болью въ душѣ мы, немногіе патріоты, обсуждали современное паденіе русской національной жизни, оказалось нѣсколько оттѣнковъ любви къ отечеству, между собою очень несходныхъ.

Я встрѣтилъ двухъ противниковъ, которые представляли вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкую противоположность другъ другу. Одинъ былъ старовѣръ, относившій начало паденія русской національности къ Петровскому времени, другой — американистъ, считавшій, что въ Россіи культурная жизнь всего только зарождается, что странѣ нужно сейчасъ «немножко цивилизаціи». Оба высказывали объ историческихъ судьбахъ русской культуры и о ея будущемъ такіе взгляды и такія надежды, съ которыми я никакъ не могъ согласиться.

Представитель старовѣрства далъ намъ знакомую формулу славянофильства, въ томъ видѣ, какъ ее блестяще и фантастически красиво подновилъ К. Леонтьевъ. По его мнѣнію, губитель-

ный для русской національности кризисъ европеизаціи начался въ XVII в., когда эта первобытная полуживотная сила стала утрачивать свою личность, растворяться, расползаться. Этимъ процессомъ, дошедшимъ до послѣднихъ предѣловъ, объясняется нынѣшняя катастрофа, нынѣшнее безсиліе. Однако, именно жестокій ударъ современности и способенъ пробудить заснувшія разстроенныя силы. Становится возможенъ возвратъ къ національной культурѣ, національное возрожденіе. По сравненію съ Россіей, Западъ переживаетъ такой же кризисъ, но тамъ, можетъ быть, меньше данныхъ для реставраціи, меньше надеждъ на воскрешеніе.

Не могу я, какъ историкъ, согласиться съ формулами старовѣровъ и славянофиловъ. Конечно вѣрно, что напр. въ Московскомъ государствѣ эпохи Грознаго было много свѣжей богатой силы, но къ ней не подходитъ названіе «первобытной». Въ Московской державѣ было много азіатскаго, восточнаго, но не въ обычномъ смыслѣ варварства, а въ видѣ традицій, древней интересной культуры, восходящей черезъ Византію и арабовъ къ Востоку античному. Насколько обособлена была эта культура и насколько въ себѣ увѣрены ея носители, видно изъ того обстоятельства, что реформація XVI в. вовсе не задѣла Москвы: на нее взглянули, какъ на посторонній курьезъ. А это произошло вовсе не отъ грубости и отсталости! — Нѣтъ, всѣ религіозные, церковные и даже политическіе вопросы реформаціи,

занимавшіе Западъ, были и въ Москвѣ поставлены, но вполнѣ своеобразно и, если угодно, болѣе счастливо для націи рѣшены.

Очень сомнѣваюсь, чтобы къ великоруссамъ XVI вѣка подходило названіе націи молодой. Можетъ быть, наоборотъ, это была старая національная культура, болѣе старая, чѣмъ современная ей англійская, французская, германская. Термины «старый», «молодой» въ отношеніи къ національной жизни вообще придется признать мало подходящими. Въ самомъ дѣлѣ, пусть мнѣ скажутъ, въ столкновеніи упрямо-консервативныхъ испанцевъ съ передовыми французами Наполеоновской имперіи, какая нація была молодой, какая старой?

Блестящее государство Ивана III и Ивана IV рушилось не отъ внутреннихъ причинъ, а подъ давленіемъ западно-европейской техники, хотя она и находилась въ рукахъ слабыхъ націй, поляковъ, шведовъ. Достаточно напомнить самые общеизвѣстные факты, каковы походы Баторія, Делагарди, Густава Адольфа, столь характерную битву при Клушинѣ; обратно, какъ примѣръ національной цѣпкости и упорства, знаменитыя обороны Пскова и Смоленска.

Послѣ смуты, порожденной, главнымъ образомъ, внѣшними неудачами, московскіе политики пытаются реставрировать старое государство: все больше у нихъ вырабатывается пренебреженіе къ своей культурѣ и преклоненіе передъ одолѣвшимъ ихъ Западомъ. Возстановленная держава

при уменьшенныхъ средствахъ организуется по европейскому образцу съ бюрократіей, бюджетомъ, постояннымъ войскомъ, и въ качествѣ одной изъ бюрократическихъ формъ утверждается до тѣхъ поръ незнакомое Востоку и сложившееся подъ вліяніемъ капитализма крѣпостное право. Петръ I былъ неистовый протекціонистъ со слѣпой вѣрой въ западную машину и въ иностранную указку. Наплывъ чуждаго просвѣщенія скоро заставляетъ забыть все свое, старинное.

Постепенно государственные верхи, бюрократизированные, отдѣляются отъ народной массы; въ то же время образованное общество привыкаетъ смотрѣть на государство, какъ на внѣшнюю, постороннюю силу. Этого разобщенія общества и государства, интеллигенціи и народа не было въ XVI в... Странно звучитъ на первый взглядъ, если сказать, что Курбскій и Грозный были по вкусамъ, складу понятій, образу жизни ближе къ простолюдину своего времени, чѣмъ въ нашъ демократическій вѣкъ товарищъ-комиссаръ изъ полуобразованныхъ горожанъ къ крестьянину.

Катастрофа нашего времени, безъ сомнѣнія, составляетъ отдаленное послѣдствіе упадка національной культуры. Въ XIX в. стерлись окончательно старинныя традиціи, развилась подражательность, утратились самобытныя цѣли, ослабѣлъ пульсъ жизни. Мы исполняли блестящія колоніальныя завоеванія (Туркестанъ, Пріамурскій край), но совершенно не умѣли использовать новыя пріобрѣтенія для нуждъ націи. Наша рус-

сификація въ Польшѣ, Лифляндіи, Финляндіи была просто смѣхотворна. А между тѣмъ, сравнить, чего при болѣе слабой техникѣ, при меньшемъ количествѣ человѣческаго матеріала достигала въ той же Ливоніи Москва XVI вѣка.

Событія 1917 года — апогей національнаго паденія. На сценѣ современныхъ событій были видны всѣ націи Европы, кромѣ одной, самой многочисленной, великорусской. Невозможно представить себѣ, чтобы изъ этого разрушенія внезапно и непосредственно началось возрожденіе. То, что было содержаніемъ прежней національной культуры, не можетъ вернуться, во всякомъ случаѣ не все и не сразу возстановится; слишкомъ давно эти интересы и понятія изжиты. Какъ представлять себѣ возрожденіе націи въ наше время? — Когда дѣло идетъ о маленькой странѣ, о народѣ, отбивающемъ свою самостоятельность (Ирландія, Фландрія, Сербія, Эстонія), все какъ будто ясно; на первомъ мѣстѣ вопросы самоуправленія, самобытной школы, печати. Но что бы значило возрожденіе для народности, которая занимала господствующее державное положеніе, широко раздалась и въ то же время утратила внутреннюю сплоченность? Опять возвращеніе къ только что разрушенному имперіализму?

Болѣе правдоподобно, что въ ближайшее время народы будутъ продолжать колобродить каждый по своему, украинцы въ духѣ своей гайдамачины, ирландцы въ своихъ романтическихъ

синфейнерахъ будутъ повторять феніевъ, въ Болгаріи возродятся удалые и жестокіе комитаджіи и т. д.

Можетъ быть, для того, чтобы опять пробудилась жизнь въ истощенномъ организмѣ, нуженъ долгій періодъ одичанія и варварства. Можетъ быть нужно, чтобы люди бросили искусственную городскую жизнь, приникли къ землѣ, коснулись нетронутыхъ силъ природы, предоставленные самимъ себѣ, внѣ всякой опеки, ушли бы глубже въ физическую животную жизнь. Конечно, распавшіяся части большого цѣлаго будутъ долго ссориться между собою, обособляться въ родѣ того, какъ сейчасъ существуютъ неизвѣстныя въ дипломатическомъ мірѣ сибирскія и другія республики. Лишь постепенно вживутся люди въ тѣ тѣсныя группы, которыя возникнутъ изъ новаго сближенія и сплоченія интересовъ. И только тогда, изъ соединенія мелкихъ союзовъ всякаго рода въ союзы крупные, получится опять нѣчто похожее на національное цѣлое.

Такое превращеніе не можетъ не требовать долгихъ, долгихъ лѣтъ. Изъ историческихъ аналогій, можетъ быть, сюда подойдетъ превращеніе античныхъ римлянъ и эллиновъ въ средневѣковыхъ и новѣйшихъ итальянцевъ и новогрековъ. Между прочимъ есть нѣкоторое сходство въ судьбѣ римлянъ и великорусскаго народа. Римъ во главѣ староиталіковъ существовалъ, какъ могучая нація, въ эпоху Сципіоновъ, въ

эпоху пуническихъ войнъ, когда боролся за право самостоятельного существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ могущественно стремился къ расширенію. Въ эпоху Нерона и Адріана римляне были чиновники, откупщики, составляли привилегированное сословіе «гражданъ»; они прилаживались въ качествѣ орудій громаднаго державнаго механизма, но уже не были націей; у нихъ уже не имѣлось необходимой для національной жизни цѣпкости, жажды расширенія, воинственности, рѣзкаго отгораживанія себя отъ другихъ. Ту же разницу придется отмѣтить между великороссами XVI и XIX вѣковъ.

Въ противоположность консерватору, старовѣру и славянофилу сторонникъ прогресса говорилъ о перспективѣ будущаго совершенно иного характера. Европеизація русскаго народа до сихъ поръ, къ сожалѣнію, слишкомъ слабая, необходимо должна пойти еще дальше. Россія станетъ новой Америкой (разумѣются главнымъ образомъ Соединенные Штаты). Американистъ ссылается въ доказательство на неистовый порывъ къ наживѣ, заявившій себя въ новой буржуазіи, какъ деревенской, такъ и одѣтой въ кожаную куртку. Къ сожалѣнію, онъ забылъ при этомъ, что англосаксонская Америка началась не съ разброда на старомъ мѣстѣ, а была продолженіемъ необычайно сильнаго національнаго развитія. Какія явленія у насъ могутъ предвѣщать развитіе американизма? Неужели та всеобщая спекуляція,

которой по нуждѣ занялись опустившіеся бывшіе классы общества?

Допустимъ, однако, что американизація Россіи возможна. Обѣщаетъ ли эта перемѣна что нибудь прочное въ будущемъ? Каковы перспективы Америки? — Вѣдь великая заатлантическая республика — та же Европа, продолженная лишь въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, на территоріальномъ просторѣ. По существу въ колоніяхъ Европы та же культура, нервная и стремительная, уравнивающая, стирающая, вырывающая у человѣка традиціи, разрушающая старинныя связи, нигилистическая, торопливая, быстро истощающая силы, обезцвѣчивающая личность, слишкомъ разсудочная и сухая.

Американская культура стоитъ на опасномъ уклонѣ. Спѣшность жизни тамъ явно не служитъ на пользу интеллигенціи: въ раннемъ сравнительно возрастѣ она истрачиваетъ свои силы; энергія уходитъ на конкурренцію, на достиженіе внѣшне-техническаго совершенства, тамъ мало мѣста наукѣ и искусству безкорыстнымъ; несимпатиченъ аристократизмъ въ положеніи женщинъ высшихъ классовъ, доходящій до куклоподобія.

Америка только тѣмъ отличается отъ Европы, что она могла и можетъ бросить въ водоворотъ свѣжія природныя силы; но она сохраняетъ и даже усиливаетъ ту же самую европейскую систему: хищничество въ отношеніи земли, рудниковъ и т. д.; биржевую спекуляцію въ отношеніи предпріятій; устроеніе рабочихъ на положеніи

каторжныхъ фаланстерій, работу безъ передышки, убивающую личность, собственность и семью трудового человѣка, истощающую организмъ, треплющую нервы; словомъ — состояніе непрерывной войны или подготовки къ войнѣ.

Надолго ли хватитъ этой сверхъ-европейской цивилизаціи? Такъ какъ она одинакова съ европейской, она можетъ лишь временно пережить свою родоначальницу. Американскій имперіализмъ сильно выигралъ отъ взаимныхъ перекоровъ европейцевъ, отъ истощенія Европы. Но это лишь отсрочка въ рѣшеніи того же вопроса, вопроса о прочности европейской культуры, о томъ, переживетъ ли она данный кризисъ.

Въ чемъ же состоитъ кризисъ, когда онъ начался? — Прежде всего надо возразить противъ формулы, что кризисъ составляетъ послѣдствіе войны. Такимъ способомъ мы признаемъ войну чѣмъ-то случайнымъ въ ходѣ вещей. А между тѣмъ война сама по себѣ есть признакъ жестокаго развала, война — показатель и результатъ крушенія всей системы европейской жизни. Притомъ война, разразившаяся лѣтомъ 1914 г., лишь обнаружила глухой ужасъ, клокотавшій подъ спокойной на видъ поверхностью Европы. Развѣ соперничество капиталистическихъ силъ въ послѣднія три десятилѣтія не было скрытой войной? Развѣ вся общественная и политическая жизнь не опредѣлялась страшнымъ давленіемъ воинствующаго имперіализма?

Назовемъ для краткости культурную политику новѣйшей Европы индустріальной системой. Чтобы не захватывать слишкомъ далеко, будемъ говорить объ эпохѣ, когда она окончательно сложилась, начнемъ ее съ XVIII в., момента механическихъ пріобрѣтеній въ области текстильной и желѣзной промышленности, ускоренныхъ путей сообщенія и нарастающей эксплоатаціи Европой другихъ материковъ и отсталыхъ націй.

Въ большинствѣ европейцы убѣждены, будто распространеніе нашей цивилизаціи по всему свѣту, использованіе Европой всемірныхъ богатствъ составляетъ стихійный, исторически необходимый, а потому и благодѣтельный процессъ. Съ такимъ взглядомъ я безусловно не могу согласиться. Конечно, теперь, когда Европа живетъ сбытомъ своихъ продуктовъ со всего свѣта и ввозомъ сырья для обработки и для питанія, ея рабочія массы погибнутъ или обратятся къ варварству, если у нея отнять власть надъ остальными материками. Но это не значитъ, что индустріальная система, расширившаяся въ имперіалистическую, была заведена ради благополучія европейскихъ массъ. Въ началѣ XVIII в., когда намѣчался индустріальный переворотъ, этихъ массъ еще не существовало; онѣ явились въ результатѣ переворота, согнавшаго ихъ съ земли, а сама соціальная революція состояла въ натискѣ капитала на мелкую собственность и ремесло. Переворотъ былъ своего рода внутреннимъ за-

воеваніемъ, происходившимъ подъ манящимъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ захватовъ государства, гдѣ великіе патріоты Питты были вдохновителями, и гдѣ оборотливый фабрикантъ Аркрайтъ проявлялъ ту же безпощадность геніально-жестокаго авантюриста, какую показалъ начальникъ экзекуціонныхъ отрядовъ Остиндской компаніи, Клейвъ.

Захваты европейскими завоевателями колоній были такъ же ненужны для благополучія массъ, какъ ростъ крупнаго землевладѣнія для судьбы мелкаго деревенскаго люда. Не увеличеніе населенія вызвало мануфактуры и машины, но напротивъ оно само получилось въ результатѣ механическихъ изобрѣтеній. Бумажныя матеріи, изъ-за которыхъ собственно загорѣлся весь сыръборъ индустріальной системы, составляли очень сомнительное пріобрѣтеніе цивилизаціи, между прочимъ, для европейскаго климата мало подходящее. Различныя ненужности и несообразности, появившіяся въ промышленно-технической жизни Европы, образуютъ выдумки немногихъ предпріимчивыхъ людей военно-спекулянтскаго типа, за которыми тянулись техники-изобрѣтатели, экономисты-фритредеры, матеріалисты и «почитатели фактовъ» въ родѣ Диккенсовскаго героя въ «Тяжелыхъ временахъ Англіи».

Трудно заставить себя увлекаться изобрѣтательностью индустріи XIX вѣка, ея стремленіемъ къ удешевленію товаровъ. Геній изобрѣтателей устремился на фальсификацію, суррогаты (очень

типиченъ маргаринъ!) или на истребительныя орудія. Работа на удешевленіе создала линючія, быстро рвущіяся матеріи, тогда какъ старинная индустрія умѣла вырабатывать костюмъ на всю жизнь человѣка.

Для возобновленія индустріальной системы, для ея усиленія и напряженія рѣшающимъ обстоятельствомъ послужилъ тотъ фактъ, что Европа не можетъ сама себя прокормить, или, лучше сказать, не хочетъ этого дѣлать. Все ея ускоренное и усиленное производство служитъ колоніальной политикѣ, которая, въ свою очередь, не что иное, какъ безпощадная эксплоатація отсталыхъ народовъ, для нихъ самихъ безполезная или даже вредная. Что касается Россіи, то она занимала межеумочное положеніе, будучи остаткомъ старой самодовлѣющей державы съ собственными колоніями, отчасти сама превращаясь въ колонію, при чемъ изъ-за нея спорили не только большіе капиталисты, Франція, Англія и Германія, но зарились и маленькія, разныя бельгійскія и шведскія компаніи.

Въ историческомъ прошломъ нѣтъ другого примѣра системы, которая была бы такъ притязательна, такъ много обѣщала, и такъ быстро рушилась. Можно сказать, что вся эпоха капитализма сплошь заполнена революціями и смѣной кризисовъ безъ конца, что она состояла изъ непрерывныхъ ограбленій и взаимныхъ раздираній. Въ сравненіи съ этими жестокими колебаніями, какъ поразительна устойчивость и самодовлѣніе

самодержавныхъ монархій и феодальныхъ обществъ!

Индустріальная система изумляетъ насъ также своею непослѣдовательностью. Часто предпріятія европейцевъ были голымъ хищничествомъ съ расчетомъ на краткій моментальный успѣхъ. Стоитъ только вспомнить такую техническую безсмыслицу XIX в., какъ истребленіе арктической фауны, китовъ, моржей и т. п., благодаря чему сдѣлалось невозможнымъ дальнѣйшее пользованіе Ледовитымъ краемъ, т. е. иными словами человѣкъ самъ увеличилъ территорію пустыни. Недалеко отъ этого варварства стоитъ опустошеніе дѣвственной почвы прерій въ Америкѣ посредствомъ ихъ запахиванія безъ отдыха. Поклонники прогресса обыкновенно съ гордостью указываютъ на искусственныя химическія удобренія, на великія завоеванія науки. Но вѣдь это возмѣщеніе и запоздало, и недостаточно, а главное — секретъ постепеннаго пользованія природными силами утраченъ.

Индустріальная и имперіалистическая система, созданная великими завоевателями, Питтами, Наполеонами, Бисмарками, Рокфеллерами, Сесиль Родсами, до конца осталась подъ управленіемъ маленькой, энергичной и безпощадной аристократіи. Въ концѣ концовъ благоденствовали финансовые короли, торжествовалъ даже не индустріальный капиталъ, а биржевой, спекулятивный, безплодный, ростовщическій. Вотъ какимъ отвратительнымъ фарсомъ кончила новѣй-

шая европейская культура, кичившаяся своимъ демократизмомъ!.. Между прочимъ у экономистовъ было принято защищать биржу, какъ могущественное средство поощренія промышленности. Какъ странно! Что же это за система, которая можетъ хорошо функціонировать только при содѣйствіи злыхъ паразитовъ, точно необходимо вѣчно ставить піявки для правильнаго кровообращенія слишкомъ вялаго организма! И не указываетъ ли необходимость чрезвычайнаго возбудителя лишь на то, что предпріятія, на счетъ которыхъ играетъ биржа, никому кромѣ нея и не нужны?

Наконецъ, индустріальная система строила сама себѣ препятствія, сама себя въ корнѣ подрывала. Основанная на эксплоатаціи отсталыхъ, она должна была бы поддерживать всѣми силами свой безусловный перевѣсъ. Но Европа вносила неосторожно цивилизацію въ покоряемыя страны и вооружала въ нихъ протестъ. Яркіе примѣры такого протеста представляютъ Японія, Британская Индія, Китай; мы въ правѣ и русскій большевизмъ разсматривать, какъ своеобразный протестъ противъ системы эксплоатаціи Россіи. Вдобавокъ ко всему, господа міра, вожди завоевательной арміи не сумѣли между собой поладить. Они не могли раздѣлить сферы вліянія, и каждая въ отдѣльности изъ крупныхъ силъ стремилась къ исключительности. Обыкновеннымъ рядовымъ отъ этого становилось не легче, а труднѣе.

Завоеваніе Европой остального міра потребовало отъ арміи, т. е. отъ всего трудящагося люда, необычайнаго напряженія, и, если вспомнить наши чувства передъ войной, росту этого напряженія не видѣлось конца. Производители должны были приносить все большія и большія жертвы для пріобрѣтенія и удержанія заморскихъ богатствъ. Что они получали взамѣнъ? — Индустріальная система такъ до конца и не принесла пользы побѣдителю. Онъ нагромождалъ новыя и новыя машины, ускорялъ средства сообщенія и все-таки долженъ былъ работать до седьмого пота. Чтобы навязывать свои продукты заграницей, заставляли своихъ рабочихъ трудиться за ничтожную плату. Америка, въ качествѣ сверхъ-Европы, изобрѣтаетъ Тэйлорову систему, которая грозитъ полнымъ уничтоженіемъ рабочаго, какъ личности, обращаетъ его въ машину.

Европейскіе рабочіе, силами которыхъ совершалось завоеваніе міра, должны были бы по смыслу системы составить привилегированную аристократію. Но они получили гораздо меньше, чѣмъ римскіе пролетаріи, которые одно время были высшей кастой античнаго міра. На положеніе вѣчно нуждающихся, работающихъ безъ отдыха сведены были въ сущности такъ называемые средніе классы, огромное количество землевладѣльцевъ, ремесленниковъ, чиновниковъ, либеральныхъ профессій. Въ сущности говоря, среднихъ классовъ въ смыслѣ нормальнаго

уровня, спокойно удовлетворяющаго свои потребности, не существуетъ.

Въ качествѣ матеріальной организаціи, индустріальная система просуществовала не болѣе ста лѣтъ. Такъ предательски кратокъ вѣкъ новѣйшей культуры! Однако, она успѣла произвести жестокія опустошенія и во внутренней духовной жизни. Среди безпощадной борьбы за существованіе, во всеобщей безпорядочной свалкѣ разрушаются старыя связи и группировки: семья, товарищество, религіозная община. Новые рабочіе союзы не составляютъ возмѣщенія: это тяжелыя принудительныя организаціи на манеръ военныхъ батальоновъ или политическихъ партій съ характернымъ застращиваніемъ личности; въ нихъ нѣтъ товарищества, дружбы, душевной связи, глубокаго взаимнаго тяготѣнія сочленовъ. Погибло ремесло и искусство, какъ личные художественные таланты и умѣнія; исчезли старые способы развлекать себя.

Нельзя не согласиться съ глубоко правильной критикой воинствующаго капитализма со стороны соціалъ-демократіи. Но вся сила ярой критики уничтожается послѣдующими дѣйствіями наиболѣе рѣшительной изъ соціалистическихъ партій, выступающей въ качествѣ прямого наслѣдника индустріальной системы и повторяющей всѣ ея грѣхи и заблужденія. Въ устахъ представителей этой партіи нѣтъ словъ болѣе обидныхъ, какъ «обывательщина», «мѣщанство», «мелкобуржуазность понятій». Коммунисты съ бо́льшимъ ува-

женіемъ относятся къ капитализму, и это понятно, потому что коммунизмъ его родной сынъ, не замѣчающій поразительнаго сходства своего съ отцомъ.

Но, въ концѣ концовъ, что такое «мѣщанство» съ бытовой стороны? — Вѣдь сейчасъ передъ нами только жалкіе остатки старинной жизни, давно подточенные той же самой индустріальной системой, судорожныя усилія бывшихъ людей спастись отъ неудержимо надвигающагося оскудѣнія. Всмотрѣвшись внимательно въ обломки, мы можемъ мысленно возсоздать эту старину, красивую, прочную, умѣвшую себя оправдать и сохранить, соединенную съ привязанностью къ домашнему очагу, къ семьѣ и къ своему племени, къ родной землѣ, съ уваженіемъ къ человѣческой личности.

Новѣйшій соціализмъ, какъ практическая система, ничего не даетъ взамѣнъ. Онъ не заключаетъ въ себѣ ни одной мысли, которой бы не было у руководителей индустріальной системы. Мы знаемъ эти давнишнія мелодіи: «использовать невскрытыя богатства міра»; «напрячь еще больше производительныя силы, поглотить окончательно мелкія хозяйства въ виду ихъ безполезности». (Да, конечно, они не пригодны для завоеванія чернаго и желтаго материковъ, а что касается ихъ внутренней цѣнности, уже капитализмъ презиралъ ихъ и немилосердно крушилъ). Обратно, нѣтъ ни одного недостатка, ни одного преступленія соціалъ-демократіи, которые бы не

имѣлись уже въ побѣдномъ шествіи индустріальной системы. Капитализмъ XIX в. уничтожалъ корпоративныя связи, разстраивалъ семью, выбрасывалъ женщину изъ дому на торжище, плодилъ ненужную канцелярщину (новѣйшія учрежденія лишь продолженіе департаментовъ, непомѣрно разросшейся адвокатуры и третьяго элемента).

Коммунизмъ появился, какъ явленіе протеста, возмущенія противъ индустріальной системы. Въ Россіи протестъ начался бунтомъ войска весной 1917 года. Это не случайное сцѣпленіе событій. Всеобщая воинская повинность — главнѣйшее изобрѣтеніе индустріальной системы, самое яркое выраженіе ея завоевательнаго характера и самое острое изъ требованій созданной ею дисциплины. Возстаніе началось въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ индустріальной системы, тамъ, гдѣ она всего болѣе затрагивала человѣка непосредственно. Оно было сразу жестокимъ ударомъ по самому основанію; вѣдь оно показало, что современный рабочій не хочетъ признавать государства, что не существуетъ больше ни гражданъ, ни подданныхъ. Заводскіе комитеты, совѣтскія учрежденія, сокращеніе рабочаго дня, все это — разныя формы того же генеральнаго бунта противъ индустріальной системы.

Достигнувъ власти, бывшіе оппозиціонеры принимаются за возстановленіе прежнихъ пріемовъ. Они готовятся опять присадить рабочихъ за трудъ, бичевать ихъ скорпіонами. Мыслимо

ли однако возобновить разрушенную систему? Вѣдь дѣйствовать приходится при уменьшенныхъ средствахъ и командовать надъ той самой массой, въ которой переворотъ такъ основательно расшаталъ дисциплину.

Многіе увѣрены, что нашъ соціальный развалъ — явленіе чисто русское, происходящее отъ нашей лѣности, безтолковости, непривычки къ упорной работѣ. Совсѣмъ другое дѣло, говорятъ намъ, Западная Европа. Тамъ разруха не достигла такихъ размѣровъ, и скорѣе различные классы общества одумаются и достигнутъ взаимнаго соглашенія. При этомъ ссылаются на традиціи и дисциплину англійскихъ трэдовъ, на мягкость и умѣренность германской соціалъ-демократіи. И дѣйствительно, составъ рабочихъ въ Европѣ обладаетъ другой, болѣе благопріятной наслѣдственностью; зерно его составилось изъ бывшихъ ремесленниковъ, интеллектуальныхъ профессій, изъ подбора, и вовсе не плохого, людей разныхъ классовъ, тогда какъ у насъ, въ восточной Европѣ, рабочіе вышли изъ земледѣльческой массы, очень сѣрой, однородной, разстроенной и придавленной крѣпостничествомъ. Въ Европѣ — надо согласиться — гораздо дѣльнѣе и ближайшій противникъ соціализма, буржуазія, борьба съ которой такъ полезна для воспитанія рабочихъ. Сами рабочіе тамъ давно составляютъ партіи, корпораціи, привыкли согласно выступать, болѣе сознаютъ важность государственной связности, и цѣлости.

Все это вѣрно. И тѣмъ не менѣе есть всѣ основанія думать, что Европа переживаетъ кризисъ, по существу одинаковый съ нами, можетъ быть, лишь въ нѣсколько иныхъ формахъ. Замѣчательно вѣдь то, что война начата не нами, а Западомъ. А война — въ одно и то же время и крайнее напряженіе имперіализма, индустріальной системы, и актъ отчаянія, попытка выйти изъ-подъ ея давленія героическимъ средствомъ: расчетъ воюющихъ не состоялъ ли въ томъ, чтобы, выбивши противника изъ строя, дать себѣ передышку, пожить на чужіе запасы? Война — своего рода соціальная революція, и въ этомъ смыслѣ соціальный развалъ начался на Западѣ.

Ясно, что давленіе системы, ея нестерпимость ощущались на Западѣ въ той же мѣрѣ, какъ у насъ, или даже больше. Западъ только тѣмъ счастливѣе насъ, что тамъ вѣроятно не произойдетъ соціалистическаго опыта: его первая проба, обнаружившая безсиліе очень энергичнаго правительства въ вопросахъ питанія, устроенія труда и возобновленія производства, достаточно обнаружила самообманъ, въ которомъ пребывали обширныя партіи въ теченіе полувѣка, рисовавшія непосредственно близкое наступленіе земного рая. Никакими другими средствами не удастся присадить рабочихъ за дѣло, подъ прежнюю дисциплину имперіалистическаго капитала. Имъ нельзя больше открыть никакихъ новыхъ перспективъ. При уменьшенныхъ средствахъ, при разстроен-

номъ транспортѣ, что поможетъ? Новыя войны? Новыя машины?

Конечно, нѣкоторое время еще будутъ примѣнять старые методы, пытаться возобновить зданіе имперіализма, вновь усилить техническіе пріемы, воскресить Тэйлора, возстановить поколебленное положеніе въ колоніяхъ. Не можетъ же Англія сама отказаться отъ Индіи, отъ Египта. А французскіе крестьяне и буржуазія, вернувши себѣ эльзасскія мануфактуры, лорренскій уголь и желѣзо, развѣ откажутся отъ реванша надъ Круппомъ и рейнской индустріей Германіи, пусть всего только на пять-десять лѣтъ, пока продлится въ Европѣ разруха. Имъ всѣмъ до смерти хочется пожить привилегированной аристократіей, хотя ихъ кліентела, кругъ ихъ экономическихъ подданныхъ будетъ куда болѣе жалкимъ и бѣднымъ, чѣмъ до войны.

Несмотря на эти частичныя побѣды, процессъ въ Европѣ пойдетъ въ смыслѣ раздробленія политическаго и экономическаго. Новый взрывъ имперіализма на Западѣ невозможенъ. Немыслимо вновь произвести мобилизацію въ родѣ 1914 и 1915 годовъ. Вѣроятно, всеобщую воинскую повинность придется отмѣнить и перейти къ чему-то въ духѣ старыхъ постоянныхъ армій, вербовки и т. д. Служить въ качествѣ повинности не захотятъ не только рабочіе, но и всѣ другіе классы. Державы XIX вѣка, одна за другой, начнутъ распадаться. Разлаженные колеса и рычаги колоссальной машины, вышибленные изъ

своихъ соединеній, будутъ ломаться и крушить другъ друга.

Новообразованія послѣдняго времени — всѣ эти Эстоніи, Латвіи, Польши, Чехо-Словакіи, Грузіи, Адзербейджаны — откидываютъ насъ сразу на 3—4 вѣка назадъ. Разореніе дѣлаетъ города чѣмъ-то ненужнымъ, прямо безсмысленнымъ. Разрушеніе комфорта быстро превращается въ одичаніе. Пока тяготѣла всеобщая воинская повинность, отъ нея всѣ бѣжали, никто не учился владѣть оружіемъ для себя; теперь можно ожидать тяги ко всеобщему вооруженію, когда всякій будетъ лично защищать свои права и вырабатывать личныя умѣнія.

Намъ скажутъ, вѣдь это — феодализмъ, средневѣковье! Да, и еще можно прибавить: появятся и другія черты варварскаго вѣка, секты, цехи, дружины, общины, цѣпкія мелкія корпораціи. Усилится зоологическая сторона жизни: люди обратятся къ землѣ, къ натуральному хозяйству, уйдутъ въ семью, родовой бытъ, физическій трудъ; появится исчезнувшая личная храбрость и удальство. Это не будетъ выполненіемъ заранѣе предусмотрѣннаго плана въ родѣ теоріи Руссо, Толстого и другихъ опрощенцевъ XVIII и XIX вв. Процессъ пойдетъ неровно, стихійно, грубо. Впослѣдствіи подведутъ и теорію, но гораздо позже, и она будетъ только философіей прожитого. Какъ тутъ вѣрить въ близкое возрожденіе націи? — Я боюсь, что, увлекаясь подобной вѣрой, мы становимся жертвой или

словесныхъ фокусовъ, или фантастическихъ догматовъ, въ родѣ того, что страданія приносятъ искупленіе и образуютъ плату за лучшее будущее, какъ будто можно расчитываться съ какими-то неизвѣстными высшими силами. Иногда особенно остро чувствуешь нашу наклонность къ утѣшительнымъ словамъ, заключеннымъ въ метафизическія формулы.

Когда дѣло идетъ о теоріи посторонней, мы хорошо видимъ ея пустоту. Намъ смѣшна діалектика марксистовъ, воображающихъ, что изъ величайшаго разоренія и давленія должно получиться величайшее блаженство; намъ кажется, что они вѣрятъ въ самое неправдоподобное изъ чудесъ. Ну а сами-то мы, не продолжаемъ ли бродить въ дебряхъ мессіанизма, когда вѣримъ, что въ несчастіяхъ, въ разрухѣ — залогъ оздоровленія народнаго организма? Очень трудно заставить себя вдуматься въ реальныя обстоятельства, но это необходимо. Мы ожидаемъ возрожденія? Возрожденія чего же именно? Того, что было, т. е. имперіалистической державы, государственной власти, державшейся на основѣ очень пассивнаго общества, отсталаго хозяйства, малоразвитого чиновничества, при интеллигенціи блестящей, но пораженной недугомъ мистическаго созерцанія? Или того новаго, что заявило себя въ революціи, т. е. нехитраго спекулятивнаго генія, который охватилъ все и вся, и который мы едва ли въ правѣ назвать американизмомъ?

Или можно ожидать скорой и прочной склейки въ національное цѣлое обломковъ прежняго быта и разныхъ новыхъ начинаній, а тутъ чего только нѣтъ: и оффиціальное православіе, непросвѣщенное и безцвѣтное, лишенное всякаго лика и воли, и старовѣрство, крѣпкое, какъ средневѣковые цехи и секты, и народническій романтизмъ, живущій въ кооперації, и упрямство старыхъ земельныхъ собственниковъ, и жадность дорвавшагося до земли, но еще не могущаго овладѣть ею новаго претендента. И не ползетъ-ли все это еще больше, чѣмъ во времена нашего былого соннаго царства?

ВѢЧНОСТЬ ВОЙНЫ

Почти 300 лѣтъ тому назадъ вышло въ свѣтъ знаменитое сочиненіе голландца Хуго Гроція «О правѣ войны и мира». Оно написано талантливымъ политикомъ и горячимъ патріотомъ, защищавшимъ свою маленькую страну противъ высокомѣрной имперіалистической Испаніи. Среди жестокихъ войнъ своего времени, среди споровъ непримиримыхъ догматическихъ партій католиковъ и протестантовъ Гроцій ищетъ выхода. Нужны ли войны, допустимы ли онѣ среди человѣчества?

Да, войны неизбѣжны, такъ какъ онѣ вытекаютъ изъ естественныхъ влеченій человѣка. «Цѣль войны — говоритъ Гроцій — охраненіе жизни и отдѣльныхъ членовъ человѣческаго существа, защита и пріобрѣтеніе богатствъ, необходимыхъ для жизни. Если для достиженія этой цѣли нужно примѣнить насиліе, то такія средства не противорѣчатъ естественному влеченію людей, такъ какъ отдѣльнымъ существамъ при-

родой даны силы, чтобы себя защищать и помогать себѣ». Но Гроцій хочетъ доказать, что есть войны справедливыя и несправедливыя. Онъ пишетъ свою работу, «чтобы отучить обладателей власти отъ войны дикой и жестокой». Онъ кончаетъ книгу призывомъ къ вѣрности въ соблюденіи договоровъ.

Наша современность какъ будто ждетъ своего Гроція, который долженъ отвѣтить на вопросы: нужны ли войны, допустимы ли онѣ, есть ли войны справедливыя?

Нынѣшнія столкновенія народовъ и державъ во многомъ напоминаютъ то, что было въ эпоху Гроція. Еще недавно въ XIX в. державы между собой вступали въ соглашенія, составляли европейскій концертъ; такъ въ свое время Гроцій могъ сказать: до церковнаго раскола вся Европа была однимъ цѣльнымъ христіанскимъ міромъ, точно нераздѣльная одежда Христа. Такъ же, какъ тогда, и теперь рѣчь идетъ о независимости маленькихъ націй противъ большихъ имперій. Такъ же, какъ тогда, свободомыслящаго наблюдателя поражала догматическая нетерпимость католиковъ и протестантовъ, и сейчасъ тяжело смотрѣть на узкія и нетерпимыя партіи двухъ политическихъ противниковъ, марксизма и либерализма. И такъ же, какъ тогда, утомленная борьбою мысль ищетъ средствъ сокрушенія войны, ея дикой истребительной силы, ищетъ мѣрки справедливости, готова звать къ установленію святыхъ незыблемыхъ договоровъ.

Я только боюсь, что новому Гроцію нашихъ дней будетъ труднѣе прійти къ яснымъ твердымъ положеніямъ среди сложныхъ, перепутанныхъ построеній нашего вѣка. Вѣдь писатель и философъ XVII в. учился на Библіи, на античныхъ авторахъ, Θукидидѣ, Плутархѣ, Тацитѣ. Тамъ о войнѣ говорится просто и безхитростно, какъ объ явленіи вѣчномъ среди человѣчества; тамъ военныя предпріятія изображаются въ видѣ великихъ дерзаній человѣческаго генія. — Мы, людя XX вѣка, выросли на другихъ авторитетахъ, прошли другую школу. Мы воспитались на декламаціяхъ романтиковъ, которые осудили войну, какъ мерзость человѣчества, какъ проклятіе и преступленіе. Кромѣ сентиментальныхъ мечтателей, нашими учителями были дѣльцы-матеріалисты, которые увѣряли, что война основана на глубоко ошибочномъ расчетѣ, что она должна исчезнуть, какъ смѣшное элементарное заблужденіе неразвитого общества. Мы какъ-то странно соединяемъ трезвость старцевъ, потертыхъ, истрепанныхъ жестокой дѣйствительностью, искусившихся во всѣхъ тяжкихъ, съ безбрежной идилличностью юныхъ эстетовъ, глядящихъ на небеса и ожидающихъ оттуда наступленія райской жизни. Отсюда странныя противорѣчія въ нашихъ мысляхъ о войнѣ. Разберемся подробнѣе во взглядахъ нашего времени.

Романтическій протестъ противъ войны сложился еще въ эпоху дореволюціонную. Его первые провозвѣстники, философы-просвѣтители, состав-

ляли международную республику въ Европѣ XVIII в. Согласно нравамъ мягко-говорливыхъ и вѣжливыхъ салоновъ, гдѣ вращались литераторы, они готовы были изображать и предстоящее просвѣтлѣніе народныхъ массъ въ видѣ какого-то весенняго майскаго праздника.

Вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ Гердеръ, современникъ Гете и Шиллера, изслѣдователь народныхъ пѣсенъ, историкъ и либеральный священникъ: «Что нужно для жизни націй?—Нужна благородная гордость въ сознаніи, что никто извнѣ не вмѣшается въ ея устроеніе, что она сама себя устроитъ». По мнѣнію Гердера, освобождающейся націи не придется вести войны за отмщеніе, не придется даже отбиваться, если сосѣднія съ нею націи захотятъ такой же свободы. Какъ только въ политикѣ будетъ признано право націй на самоопредѣленіе, окончатся всякія войны, потому что войны возникаютъ только изъ тщеславія и интригантства кабинетовъ. «Кабинеты—говоритъ Гердеръ—могутъ обманывать другъ друга; политическія машины можно сталкивать, пока одна не сломитъ другую. То, что люди зовутъ родиной, отечествомъ, не ополчается на другую родину; онѣ спокойно располагаются рядомъ и, какъ близкія семьи, помогаютъ другъ другу. Родина противъ родины въ кровавой борьбѣ — да вѣдь это злѣйшее искаженіе человѣческой рѣчи!»

Въ то время, когда высказывалась эта восторженная мечта, въ Америкѣ кипѣла ожесточенная война за независимость. Невнимательный къ

настоящему, философъ глубоко ошибся также въ отношеніи ближайшаго будущаго. Еще при жизни его, вмѣшательствомъ Австріи и Пруссіи въ дѣла революціонной Франціи начался періодъ 23-хлѣтнихъ непрерывныхъ почти войнъ по всей Европѣ. Въ этихъ войнахъ дѣло шло о правахъ націй, о ихъ свободѣ, о границахъ независимыхъ народовъ. Родина ополчалась на родину въ кровавой борьбѣ, и наиболѣе энергичные и даровитые сыны всѣхъ націй жадно бросались въ военную карьеру.

Послѣ Наполеоновскихъ бурь появилась новая проповѣдь всеобщаго замиренія, на этотъ разъ исходившая отъ людей, совсѣмъ не мечтательнаго склада. Во главѣ провозвѣстниковъ универсальнаго мира находились фабриканты и торговцы передовой Англіи, которая тогда господствовала надъ материкомъ Европы, благодаря своимъ машинамъ и быстрому дешевому производству.

Подъ впечатлѣніемъ растущихъ мирныхъ побѣдъ, промышленники, люди трезвые и расчетливые, увѣряли, что пришло, наконецъ, ихъ время, кончилась пора дворянскихъ и монархическихъ войнъ роскоши, которыя были задорнымъ искаженіемъ приключеній или грубымъ захватомъ. Простая выгода подсказываетъ необходимость непрерывныхъ мирныхъ сношеній. Когда обширныя массы снабжаются питаніемъ изъ отдаленныхъ краевъ, когда ни одна страна не можетъ обойтись безъ океанической торговли, что за без-

смыслица война! Ясно, что въ жизни человѣчества наступаетъ великая перемѣна: воинственный вѣкъ замѣняется торгово-промышленнымъ. Мѣсто расточительныхъ, безпорядочныхъ рыцарей призваны занять цѣпкіе, бережливые, разумные дѣловые люди. Война исчезнетъ уже потому, что она неэкономна и не отвѣчаетъ правиламъ жизни промышленнаго вѣка.

Эти ожиданія коммерческихъ людей такъ же мало оправдались, какъ вѣра Гердера въ миролюбіе освобождаемыхъ націй. Такъ же, какъ преувеличенныя надежды просвѣтителей сопровождались особенно жестокими столкновеніями народовъ, и промышленный вѣкъ увидѣлъ взрывъ озлобленнаго соперничества. Давно въ Европѣ не происходило такихъ кровопролитныхъ сраженій, какъ въ тѣхъ пяти войнахъ, которыя понадобились для объединенія двухъ націй, итальянской и германской. Войны эти разыгрались на протяженіи всего 12 лѣтъ отъ 1859—71 г.; изъ нихъ послѣдняя, франко-прусская, замѣчательна тѣмъ, что въ ней широко примѣнили, кромѣ дѣйствующей арміи, запасныхъ; такимъ образомъ, впервые появилась подъ ружьемъ милліонная военная громада, тогда какъ раньше уже армія въ 200.000 считалась тяжкимъ обремененіемъ государства.

Разумѣется, о мирномъ размежеваніи торгово-промышленныхъ споровъ по рецепту философіи дѣловыхъ людей никто не заботился. Напротивъ, торжествовалъ старый принципъ войны, и къ

цѣли истребленія живой силы противника прибавился еще мотивъ экономическаго разоренія. Контрибуція въ 5 милліардовъ была взята Бисмаркомъ съ Франціи не только для того, чтобы вознаградить себя за потери, но и для того, чтобы вконецъ разстроить хозяйственную жизнь соперника. Нѣтъ, воинственный вѣкъ не кончился, его заря только что занималась!

И опять среди озлобленія націй и государствъ поднялись новые проповѣдники всеобщаго мира. Въ 60-хъ годахъ, въ разгаръ національныхъ войнъ, въ Швейцаріи происходятъ съѣзды радикальныхъ республиканцевъ и соціалистовъ, образующихъ два параллельныхъ и родственныхъ общества. Лигу мира и Рабочій интернаціоналъ. Оба съѣзда принимали самыя рѣшительныя, горячія, единодушныя резолюціи, осуждавшія войну.

Есть большое сходство между настроеніями просвѣтителей XVIII в. и учителей соціализма въ XIX в. Какъ тогда въ эпоху аристократическихъ салоновъ, такъ и теперь, когда вошла въ моду рабочая блуза, интеллигентные вожди движенія, публицисты и ораторы судили о широкомъ мірѣ по своимъ собраніямъ. Развѣ соединеніе представителей всѣхъ странъ не служитъ наглядным доказательствомъ близящагося братства народовъ? Развѣ не показываютъ конгрессы Лиги мира и собранія Интернаціонала, что вполнѣ возможна всечеловѣческая республика безъ различія племенъ и классовъ?

Среди пропагандистовъ всеобщаго замиренія во второй половинѣ XIX вѣка самое видное положеніе заняли сторонники такъ называемаго научнаго соціализма. Они возобновили тѣ упреки, которые въ свое время дѣлали промышленники правителямъ государства и праздным классамъ общества, но обратили обвиненіе противъ обвинителей. По ихъ мнѣнію, хотя капиталисты шире и толковѣе ведутъ міровое хозяйство, чѣмъ въ свое время управляли великосвѣтскіе министры и облѣплявшіе дворъ бездѣльники, но все-таки и у нихъ нѣтъ порядка, господствуетъ хаотическое соперничество. Вслѣдствіе жадности капиталистовъ, ихъ нервической поспѣшности, отсутствія въ ихъ средѣ организаціи, — хозяйничанье капитала составляетъ непрерывную войну. Что же предстоитъ въ будущемъ? Сторонники научнаго соціализма, высокомѣрно отгораживаясь отъ утопистовъ, мечтателей, считаютъ свои предсказанія основанными на единственно вѣрномъ пониманіи историческихъ фактовъ, и выводъ ихъ таковъ: когда капитализмъ уступитъ свое мѣсто организованному пролетаріату, трудовые классы всѣхъ странъ уговорятся относительно обмѣна товаровъ, столкновенія и войны замѣнятся всеобщимъ миромъ.

Научный соціализмъ — вѣрный, отлично вышколенный ученикъ капиталистической теоріи; съ небольшими варіаціями, со включеніемъ утопическаго словечка «пролетаріатъ», онъ повторяетъ упованія англійскихъ промышленниковъ

начала XIX вѣка; онъ раздѣляетъ съ пророками капитализма вѣру въ то, что культурное человѣчество все зрѣетъ умомъ и, когда окончательно созрѣетъ, пойметъ нелѣпость войны и окончательно, навсегда отъ нея избавится.

Впрочемъ, таково же было убѣжденіе и огромнаго большинства такъ называемыхъ буржуазныхъ ученыхъ. Возьмемъ для примѣра одного изъ самыхъ широкомыслящихъ и либеральныхъ, Зомбарта. Въ его большомъ сочиненіи «Современный капитализмъ» цѣлая глава посвящена вопросу о «задержкахъ въ развитіи новѣйшаго капитализма». Зомбартъ разумѣетъ подъ задержками войну и осуждаетъ ее во имя прогресса. Капитализмъ порождалъ войну въ свою раннюю пору, когда онъ былъ грубъ, нерасчетливъ, напористъ и дерзокъ, безпорядоченъ и безпокойно драчливъ; эти черты капитализма ранняго сказываются въ войнахъ XVI и XVII вв. Въ этихъ войнахъ, по мнѣнію Зомбарта, происходитъ колоссальная трата накопленныхъ раньше средствъ, и при томъ съ цѣлью совершенно непроизводительной. Всѣ эти походы испанцевъ и французовъ, голландцевъ и баварцевъ, кроатовъ и шведовъ, всѣ эти большія и трудныя передвиженія солдатъ, вновь вводимыя артиллерійскія орудія, осады крѣпостей, гибель военныхъ и торговыхъ кораблей въ морскихъ волнахъ, смерть массы людей въ цвѣтѣ силъ, что это, какъ не выбрасываніе драгоцѣннаго матеріала человѣческаго богатства?

Книга Зомбарта вышла въ 1902 г. за 12 лѣтъ до великой войны. Ученый либо допускалъ, что больше войнъ въ Европѣ не будетъ, или онъ воображалъ себѣ войну очень краткую, быстро достигающую цѣли и необычайно экономную въ смыслѣ жертвъ! Поразительно, что Зомбартъ остановился въ своемъ историческомъ очеркѣ на войнѣ за испанское наслѣдство 1701—1714, точно это была послѣдняя безтолковая по безпощадности и разорительности война. А вѣдь если бы ему пришлось продолжать, — что бы онъ долженъ былъ сказать о войнѣ Семилѣтней, о войнахъ революціонныхъ, Наполеоновскихъ! Но теперь вполнѣ понятно, почему Зомбартъ оборвалъ свое обозрѣніе, такъ сказать, на запятой. Онъ самъ и огромное множество культурныхъ европейцевъ до такой степени были увѣрены въ научности положенія, будто прогрессъ ведетъ къ истребленію войны, что ученый закрылъ глаза на хорошо извѣстные ему факты. Такъ должно быть по наукѣ — что же больше изслѣдовать!

Провозвѣстники всеобщаго замиранія въ концѣ XIX и началѣ XX столѣтія были не менѣе краснорѣчивы, чѣмъ сентиментальные просвѣтители дореволюціонной эпохи и матеріалистическіе дѣльцы индустріальнаго вѣка. И однако опять, слѣдомъ за горячей проповѣдью пасифизма, слѣдомъ за увѣренными научными предсказаніями конца войнъ вообще, наступила война жесточайшая, колоссальнѣйшая.

Что это за странная судьба культурнаго общества? Какъ объяснить, что оно такъ хочетъ мира и въ то же время родитъ войну, и даже, чѣмъ больше работаетъ надъ программой замиренія, тѣмъ горшую вызываетъ войну?

Разберемся прежде всего въ теоріи прогресса, которая насъ увѣряетъ въ томъ, что война — остатокъ, пережитокъ дикой старины и съ развитіемъ культуры должна исчезнуть. — Очень стройныя и красивыя построенія этой теоріи основаны на рядѣ недоразумѣній. Во-первыхъ, невѣрно представляютъ себѣ старину, дикость, первобытное состояніе, которое со времени Гоббса называли войной всѣхъ противъ всѣхъ. Исходятъ отъ поверхностнаго наблюденія, что дикари — болѣе драчуны, чѣмъ мы, что обыкновенно всѣ они умѣютъ владѣть оружіемъ, что у нихъ есть обычаи въ родѣ кровной мести. Но умѣнье лично защищаться и организація, называемая войной, — двѣ очень различныя вещи. Въ данный моментъ въ культурномъ мірѣ какъ разъ способность лично защищаться, умѣнье владѣть оружіемъ на степени нижайшей, а воинственность державъ, напряженіе громадныхъ военныхъ организацій на степени величайшей.

Другое большое недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что теорія прогресса видѣла въ техникѣ факторъ, истребляющій, сокрушающій войну, тогда какъ, напротивъ, война съ техникой родится, съ техникой нарастаетъ и ширится. Всѣ великіе воинственные народы были мастерами - изобрѣ-

тателями въ области орудій, инженерныхъ работъ, массовой тактики и т. п.: ассиріане, македоняне, римляне, монголы, норманны, современные германцы, современные американцы.

Война и техника въ тѣсной крѣпкой связи. Война родитъ и питаетъ технику, но въ свою очередь наличность техническихъ средствъ, усиленная изобрѣтательность составляетъ новое побужденіе къ войнѣ, техника питаетъ войну.

Но что такое техника, какъ явленіе хозяйственное и политическое? Не что иное, какъ капиталъ и государство. Всѣ три явленія, государство, капитализмъ, война, самымъ тѣснымъ образомъ между собой связаны. Можно бы даже сказать, что они совпадаютъ, что это одно и то же въ разныхъ видахъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Всѣ три организаціи возникаютъ изъ одного и того же побужденія — изъ стремленія къ богатству, къ накопленію средствъ и запасовъ, когда уже люди не могутъ довольствоваться нажитымъ на своей тѣсной территоріи, когда они ставятъ себѣ цѣлью захватъ, подчиненіе себѣ труда и богатства постороннихъ. Требуется громадное напряженіе народной энергіи, чтобы организовать такой захватъ. Только государство можетъ воевать, никакая другая организація. Только войной создается государство. Но оно и никогда отъ войны не уйдетъ. Если бываютъ долгіе мирные періоды, когда государство растетъ и богатѣетъ, то при этомъ оно либо живетъ послѣдствіями войны, добываетъ лихву изъ захвачен-

наго войной капитала, или оно готовится къ новой войнѣ, къ новому захвату, какъ это дѣлала Германія въ послѣдніе 40 лѣтъ передъ великой войной, или, наконецъ, оно клонится къ упадку къ утратѣ завоеваній, какъ это было съ Россіей въ тотъ же промежутокъ времени.

Капиталъ — главное средство въ организаціи войны и въ усиленіи государства. Захватъ капитала — главная цѣль войны; ростъ капитала есть ростъ государства. Такимъ образомъ капитализмъ и его развитіе совпадаютъ съ войной и подготовкой войны, съ жизнью государства. Ожидать, что капитализмъ въ концѣ концовъ приведетъ ко всеобщему замиренію, строить мечту о братствѣ народовъ на ожиданіи успѣховъ капитала, въ чьихъ бы онъ ни былъ рукахъ, вождей промышленности или самихъ рабочихъ, значитъ совершать грубѣйшую историческую ошибку, гоняться за обманчивымъ призракомъ. Война, капиталъ, государство, это — одно и то же, это неразрывные союзники, это — утроенная сила, безъ всякаго противодѣйствія въ себѣ самой.

Насъ спросятъ: а миролюбіе современнаго общества вы цѣните ни во что? А что же значитъ неумолчный вопль о прекращеніи войнъ? Развѣ современный человѣкъ, воспитанный въ мягкихъ нравахъ, съ его отвращеніемъ къ кровопролитію, можетъ вынести истребленіе, производимое войной? Развѣ не должно всѣми силами поддерживать въ людяхъ ихъ естественный протестъ противъ войны, подкрѣплять его доказа-

тельствами науки и содѣйствовать проведенію его въ жизнь? — Я отвѣчу рѣшительнымъ: «нѣтъ». Я прибавлю для ясности: современный пасифизмъ я считаю недоразумѣніемъ; онъ не имѣетъ никакой моральной и научной цѣны; болѣе того: въ пасифизмѣ заключенъ вредный, развращающій общество самообманъ.

Такъ называемое миролюбіе или отвращеніе къ войнѣ массы культурныхъ людей — вовсе не показатель нравственной высоты данныхъ поколѣній; оно — результатъ боязни войны, въ немъ только выражается нежеланіе участвовать въ войнѣ. Въ свою очередь, боязнь войны—результатъ характерныхъ условій современнаго быта. Много значитъ безопасная жизнь въ большихъ городахъ, преобладаніе сидячихъ и непроизводительныхъ занятій, особенно, ужасающее развитіе бюрократіи, канцелярщины, бумагописанія, которое намъ сейчасъ такъ бросается въ глаза. Но самое важное изъ этихъ условій — отвычка обывателя владѣть оружіемъ и отнятіе у него права носить оружіе.

Современное государство для своихъ дисциплинарныхъ цѣлей ввело общую воинскую повинность и вмѣстѣ съ тѣмъ обезоружило гражданъ. Оно поставило себя въ трагическое положеніе: обезпечило себѣ повиновеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабило свою опору. Обезоруженный, неумѣющій себя защитить обыватель привыкъ за всѣмъ обращаться къ государству, безъ него шагу не не ступитъ, всего отъ него ждетъ и за всѣ неудачи готовъ его казнить. Въ самомъ чувствительномъ

вопросѣ, въ вопросѣ войны безоружный обыватель шатается между двумя противорѣчивыми обвиненіями, которыя онъ предъявляетъ государству. То онъ жалуется: «почему ты не воюешь, не защищаешь меня»; то обратно плачетъ: «зачѣмъ ты воюешь, безпокоишь меня и тянешь меня на военную повинность».

Безоружному и неумѣющему себя защитить обывателю кажется, что онъ врагъ войны по благородному побужденію, въ силу гуманности своего воспитанія. Нѣтъ, онъ ошибается, онъ врагъ войны потому, что не знаетъ, что ему въ ней дѣлать, и еще потому, что онъ забылъ, чѣмъ онъ войнѣ обязанъ.

Пасифизмъ, такъ ярко отражающій психологію современнаго обывателя, имѣетъ одно въ высокой мѣрѣ досадное послѣдствіе. Онъ помогаетъ заглушить то своеобразное начало человѣческой природы, тотъ рѣдкій ингредіентъ человѣческаго духа, какъ бы фосфоръ его, который можно назвать героическимъ началомъ. Его искорки легко замѣтить въ молодые отроческіе годы, когда чуть ли не во всѣхъ насъ есть какая-то непосѣдливость, есть влеченіе къ фантастическому, есть порывъ къ необычному, къ проявленію своихъ физическихъ и духовныхъ данныхъ въ смѣлыхъ поступкахъ, въ неожиданныхъ приключеніяхъ, въ самостоятельныхъ выдумкахъ. Кто изъ насъ, гимназистомъ 14-15 лѣтъ, не собирался въ Америку, кто не устраивалъ въ лѣсу ночью какой-то таинственной сторожевой

службы? Кое-что о чувствахъ подобнаго рода могли бы поразсказать и тѣ немногіе взрослые люди, кто сейчасъ увлекается охотой.

Среди нынѣшнихъ условій эти, и безъ того слабые, показатели наличности героическаго начала быстро глохнутъ. Мы не замѣчаемъ, какъ становимся не по лѣтамъ скучными, однообразными, впадаемъ въ существованіе почти механическое. А между тѣмъ природа рано или поздно отплатитъ за себя! Если ея влеченіямъ не давать свободнаго исхода, она будетъ разрывать себѣ пути, уродовать, коверкать человѣка.

Къ числу такихъ проявленій мести оскорбленной природы надо отнести самоубійство, которое очень часто встрѣчается именно въ молодые годы. Дизраэли говоритъ въ одномъ изъ своихъ романовъ, что самоубійства бываютъ отъ недостатка фантазіи, отъ того, что человѣкъ не смогъ себѣ придумать интереснаго продолженія жизни. Нѣтъ, я бы сказалъ, скорѣе отъ невозможности удовлетворить свою фантазію, найти приложеніе своему героическому темпераменту происходятъ самоубійства. Другой уродливый уклонъ героическаго начала я вижу въ увлеченіи даровитыхъ людей политическимъ терроромъ, тѣмъ страннымъ видомъ преступленія, въ которомъ соединяется возвышенная цѣль, самоотверженіе, величайшій рискъ, необыкновенная изобрѣтательность, чудесная энергія и отвратительныя средства выполненія.

И посмотрите, какъ трагична участь умнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей, въ родѣ Желябова или Кибальчича! Одному бы блистать въ парламентѣ, или вѣрнѣе управлять великимъ государствомъ, другому развить военно-техническій геній, кто знаетъ, быть можетъ, сыграть въ Россіи роль, какую во французской революціи выпала организатору побѣды Лазарю Карно. А они погибли, какъ жалкіе бомбисты, какъ пушечное мясо революціи!

Я напомню одинъ любопытный моментъ въ исторіи революціоннаго движенія 70-хъ годовъ въ Россіи. Въ 1875 году началась сербская кампанія, предпринятая за освобожденіе герцеговинцевъ отъ турецкаго ига. Возвышенная цѣль, принципъ добровольческой арміи, перспектива приключеній, все это увлекло подъ начальство Черняева часть русской молодежи, и между ними бунтарей, революціонно-настроенныхъ народниковъ. Какъ жаль, что эта кампанія оборвалась: она бы составила выходъ для безпокойныхъ и даровитыхъ людей, которые занимались безплоднымъ дѣломъ революціи. Италія въ 50 и 60 годахъ была счастливѣе насъ: тамъ Гарибальди собралъ въ своей дружинѣ бродившіе героическіе элементы своей націи.

Въ моихъ глазахъ это — факты необычайно важные, свидѣтельствующіе о неизбѣжности и о естественности войны; о ея соотвѣтствіи органическимъ наклонностямъ человѣка. Война нужна для того, чтобы дать выходъ героическому

началу въ человѣкѣ, чтобы найти примѣненіе его энергіи, духу изобрѣтательности, направить фантазію изъ области сновидѣній и иллюзій на проявленія воли, на поступки и предпріятія. Война нужна для того, чтобы не спали даромъ физическія и духовныя силы, мускулы и нервы, чтобы природа человѣка могла свободно и всесторонне раскрыться. Война нужна и для сплоченія человѣческихъ массъ: она даетъ формы, единственно наглядныя и понятныя, большихъ человѣческихъ соединеній для достиженія крупныхъ цѣлей. Въ виду этого войну приходится признать лучшимъ соціальнымъ педагогомъ... Наконецъ, война — наилучшая арена для проявленія самыхъ цѣнныхъ, самыхъ тонкихъ и блестящихъ человѣческихъ талантовъ.

По временамъ наиболѣе пылкіе сторонники пасифизма чувствуютъ, что зарвались, что проповѣдь мира и всеобщаго разоруженія можетъ быть несетъ свои опасности и невыгоды. Меня поразили въ этомъ смыслѣ соображенія, высказанныя Жоржемъ Сорелемъ, извѣстнымъ французскимъ анархистомъ, въ книжкѣ подъ заголовкомъ «Reflćxions sur la violence», вышедшей задолго до войны, въ эпоху, когда въ большой модѣ были разговоры о всеобщемъ мирѣ, мирѣ народовъ, державъ и мирѣ классовъ.

У Сореля нѣтъ ни одного слова о войнѣ международной, его интересуетъ война соціальная между рабочими и буржуазіей. Но для насъ этотъ оттѣнокъ не важенъ. Суть въ томъ, что

анархистъ и космополитъ стосковался по борьбѣ настоящей, по воинственнымъ столкновеніямъ. Его огорчаетъ, что буржуазія стала уступчива къ рабочимъ, что въ парламентѣ и правительствѣ такъ старательно смягчаютъ всѣ шероховатости въ отношеніяхъ классовъ, предупреждаютъ волненія. Черезъ всю книгу проходитъ одна нота: «не надо намъ мира съ вами! Очень жаль, что изъ за жажды покоя вы утратили ваши воинственныя черты, стали гуманны и трусливы. Вы только портите этимъ насъ. Мы хотимъ доброй брани вмѣсто гнилого мира. Мы хотимъ озлобленныхъ, хорошо вооруженныхъ враговъ. Намъ скучно отъ нормальной жизни, намъ нужны порывы, кипѣніе энергіи, героическія усилія».

Разсужденіе Сореля должно насъ предостеречь: вотъ что можетъ скрываться въ настроеніи интернаціоналистовъ, взывающихъ о мирѣ между народами; вотъ какое пламя можетъ вырваться изъ пепла погибшихъ, казалось бы, порывовъ человѣческой фантазіи! Я даже думаю, что скрытая душевная драма, о которой свидѣтельствуютъ жалобы Сореля — очень распространенное явленіе въ культурномъ обществѣ, и что въ концѣ концовъ пасифизмъ у многихъ и многихъ не что иное, какъ странный самообманъ. Удивительно вѣдь, какъ человѣкъ способенъ съ собою мудрить, убѣждать себя, будто онъ ненавидитъ и изгоняетъ то самое, къ чему жадно стремится.

Вотъ еще эпизодъ изъ исторіи перваго интернаціонала, который подтвердитъ, что въ во-

сторженности миролюбца горитъ иногда пламень воителя. Въ Женевѣ въ 1867 г., одновременно съ Рабочимъ интернаціоналомъ и въ значительной мѣрѣ въ томъ же составѣ, засѣдалъ конгрессъ Лиги мира. На немъ появился знаменитый героическій вождь республиканскихъ дружинъ Гарибальди, который въ это время готовилъ свое послѣднее, неудавшееся потомъ, нападеніе на клерикальный папскій Римъ. Гарибальди зналъ во всю свою жизнь только одно средство къ установленію идеальной республики — войну. Но свою войну, въ качествѣ единственно справедливой, онъ привыкъ противополагать всѣмъ другимъ войнамъ и какъ бы не считалъ ее войной. Поэтому онъ съ открытымъ лицомъ и спокойной увѣренностью явился на собраніе Лиги мира, гдѣ его горячо привѣтствовали.

Здѣсь онъ предложилъ слѣдующую резолюцію: всѣ народы признаются братьями. Война между ними невозможна. Всѣ споры, которые могутъ возникнуть между народами, будутъ судиться конгрессомъ, гдѣ всякій народъ будетъ имѣть право голоса. Папство, какъ самая вредная изъ сектъ, объявляется сверженнымъ. Для Гарибальди вся суть была именно въ этомъ тезисѣ, но когда собраніе поддержало его громомъ аплодисментовъ, нетерпѣливый воитель высказалъ свою завѣтную мысль: Демократія только одна и можетъ помочь про-

тивъ бѣдствій войны. Рабъ единственно имѣетъ право вести войну съ тиранами. Гарибальди еще пояснилъ: «я какъ будто отклонился отъ того, чего мы желаемъ. Я говорю и объявляю, что рабъ имѣетъ право вести войну съ тиранами. Это единственный случай, гдѣ войны дозволены».

Собранію республиканцевъ и соціалистовъ формула Гарибальди въ высокой мѣрѣ понравилась: да, конечно, возстаніе раба противъ угнетателя — война справедливая и слѣдовательно единственно допустимая. Крайне любопытно, что собраніе сошлось съ Гарибальди, хотя и не подозрѣвало объ его затаенной цѣли. Въ сущности ему, генералу, замышлявшему походъ противъ папы, какъ свѣтскаго государя, нечего бы дѣлать на конгрессѣ мира. Но онъ вѣрилъ, что нашелъ примиреніе своей воинственной цѣли съ общимъ протестомъ противъ войны. Гарибальди поступилъ, какъ человѣкъ, который отдается непреоборимой страсти и утѣшаетъ себя: «вѣдь это въ самый послѣдній разъ, потомъ я больше никогда воевать не буду». А для послѣдняго раза придуманъ красивый, великолѣпный предлогъ подъ знаменемъ справедливой войны.

Въ такое же наивное лицемѣріе впалъ и конгрессъ, согласившись съ предложеніями Гарибальди. Его участники горѣли жаждой мира и прекращенія всякой войны. Но они не могли побѣдить въ себѣ желанія еще разъ повоевать, въ

самый послѣдній разъ... для чего?.. чтобы добиться власти. Старый идеалистъ предложилъ имъ удивительно подходящій мотивъ: «борьба рабовъ противъ угнетателей справедлива». Въ мгновеніе ока къ понятію раба подставляются рабочіе, къ понятію угнетателя капитализмъ, и готово оправданіе соціальной войны.

Есть обширныя партіи, которыя воображаютъ, что соціальная война лучше, благороднѣе и нужнѣе, чѣмъ національная. Что же, это дѣло ихъ вкуса. Ну пусть онѣ уже не причисляютъ себя къ миролюбцамъ. Пусть не говорятъ, что вѣруютъ въ близость всеобщаго замиренія. Вѣдь онѣ только въ другихъ выраженіяхъ признаютъ вмѣстѣ съ нами, что война на свѣтѣ неизбѣжна, и что война — не уродливый наростъ культуры, а ея органическое свойство, ея могущественный факторъ.

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРА

Среди нашихъ несказанныхъ бѣдствій мы стараемся пріободриться разными утѣшеніями и упованіями. Видное мѣсто между ними занимаетъ вѣра въ близкое національное возрожденіе.

Множество людей, изстрадавшихся отъ затяжной соціальной болѣзни, повторяютъ болѣе или менѣе складно и увѣренно опредѣленный кругъ разсужденія, который можно выразить приблизительно въ слѣдующей формѣ: Разруха велика и тяжела, но она нужна, потому что заблудившійся, излѣнившійся народъ извлечетъ изъ нея полезный урокъ. Именно тяжелые удары только и способны поднимать энергію... Жестокое матеріальное разстройство заставитъ неумѣющихъ работать, безпечныхъ и мечтательныхъ сдѣлаться, наконецъ, практичными, изворотливыми, неутомимо дѣятельными, сплотить свои усилія. Рѣзкая обида пробудитъ заснувшее сознаніе, вызоветъ подъемъ гордости. Слѣдовательно—бичи, скорпіоны, бѣдствія, оскорбленія благодѣтельны, какъ сильно дѣйствующія средства для возсозданія націо-

нальной энергіи. Если намъ не доставало воли къ національному могуществу, если омертвѣла въ нашемъ обществѣ національная личность, то необходимъ былъ хирургическій ударъ, чтобы новая кровь стала притекать усиленно къ пораженному мѣсту, и началось бы оздоровленіе, возрожденіе національнаго чувства.

Признаюсь, я замѣчалъ иногда самъ, что поддаюсь этому успокаивающему, баюкающему роду разсужденій. Нетрудно, однако, разоблачить самообманъ. Вѣдь ясно, что вся эта философія національнаго возрожденія не что иное, какъ сновидѣніе, сложившееся на основѣ нашихъ желаній. Она только показываетъ, что мы еще живы, еще не утратили способности мечтать, молиться, отвлекать себя фантазіями. Утѣшительная теорія принадлежитъ къ области частнаго, интимнаго лѣченія нашихъ нервовъ, и наличность въ нашемъ мозгу соотвѣтствующихъ идей показываетъ только, что не совсѣмъ еще исчезъ запасъ фосфора, который полагается человѣку для сохраненія духовной его жизни.

Но если мы спросимъ, какова объективная цѣна теоріи, заключено ли въ ней научное предвидѣніе, на какихъ она основана наблюденіяхъ и сравненіяхъ, то сразу почувствуемъ подъ собою очень шаткую почву. Я боюсь, что мы находимся здѣсь сплошь подъ обаяніемъ красивыхъ словъ, поэтическихъ оборотовъ, религіозныхъ мечтаній, что вся теорія — плащъ, сшитый изъ пестрыхъ и блестящихъ лоскутовъ, принадлежащихъ къ

философскимъ и богословскимъ системамъ разныхъ временъ.

Больше всего въ ней гегеліанства, которое составляло самое сильное увлеченіе людей XIX вѣка. А среди электрическаго театра Гегеля, самой эффектной и ослѣпительной пьесой была феерія съ чудесными превращеніями положительнаго начала въ отрицательное и отрицательнаго въ положительное. Мы, ученики XIX вѣка, легко попадаемъ въ роковую ловушку діалектики и начинаемъ вѣрить, что изъ пепла величайшаго разоренія вылетитъ сразу народившаяся тамъ райская золотая птица.

Есть въ теоріи національнаго возрожденія также остатокъ христіанскаго ученія о спасеніи цѣной великихъ страданій. Въ глубинѣ души мы еще не освободились отъ внушеній старинной церковной педагогіи, которая, ради поддержанія дисциплины въ своемъ громадномъ человѣческомъ институтѣ, создала возвышенный образъ Справедливаго Судьи на небесахъ: какая-то вышняя власть учитываетъ страданія однихъ, дерзость другихъ; когда нибудь все уравновѣсится, первые станутъ послѣдними, и послѣдніе первыми. Мнѣ кажется, что вліяніе церковной школы очень глубоко проникло въ наше міровоззрѣніе, какъ мы ни открещиваемся отъ нея, и это понятно. Вѣдь надо согласиться, что строеніе и ученіе этой школы нѣчто единственное въ своемъ родѣ; никогда руководители не обладали болѣе могущественнымъ авторитетомъ, никогда не было бо-

лѣе изумительнаго искусства внушать свои схемы, правила и образы, никогда не было интеллигенціи болѣе изобрѣтательной въ созданіи утѣшительныхъ легендъ, трогательныхъ повѣстей, болѣе способной примѣняться къ уровню простецкой среды.

Въ теоріи національнаго возрожденія можно встрѣтить одинъ оборотъ религіозной легенды, который только отчасти былъ использованъ церковной педагогіей, но потомъ, въ виду его восторженнаго, безпокойнаго характера, отодвинутъ въ сторону. Я разумѣю мессіанизмъ. Въ іудейскомъ мірѣ послѣ неудавшейся революціи 70 года по Р. Х., въ литературныхъ движеніяхъ Польши и Италіи 40-хъ годовъ XIX в., которыя слѣдовали также за крушеніемъ національныхъ возстаній, мы имѣемъ классическія формы мессіанизма. Когда разгромлены дружины борцовъ за единство народа, общество начинаетъ воплощать свои видѣнія, создаетъ коллективный образъ народа-страдальца, окружаетъ его чертами лучезарной святости. Возникаетъ представленіе, что народъ-мученикъ, искупивъ свои собственные грѣхи, станетъ спасителемъ другихъ; погибшіе за родину подвижники словно воскреснутъ и придутъ во славѣ въ лицѣ побѣдителей.

И въ нашей литературѣ есть не малая доля мессіанизма: она есть у славянофиловъ, у Достоевскаго, у Конст. Леонтьева. Не надо будетъ удивляться, если мы съ нимъ еще встрѣтимся въ наше время.

Наконецъ, мнѣ кажется, что въ теоріи національнаго возрожденія сказывается платонизмъ съ его ученіемъ о странствованіи и перевоплощеніи душъ, съ его идеей круговорота, замиранія и новаго рожденія, съ его аналогіями изъ области органическаго міра. Мы явно поддаемся платонизму, когда олицетворяемъ націю, представляемъ ее себѣ, какъ одно мыслящее, чувствующее существо, когда воображаемъ эпохи паденія національной энергіи въ родѣ окукленія гусеницы, а возрожденіе націи въ видѣ появленія новаго духа, воплощеннаго въ новомъ существѣ, для котораго оболочка изъ гроба превращается въ колыбель.

Безъ сомнѣнія, идеи эти во всѣхъ насъ бродятъ, мы всѣ чувствуемъ наклонность къ стариннымъ миѳологіямъ и теодицеямъ. Иногда кажется: да не нахожусь ли я въ плѣну сказокъ, обаятельныхъ предразсудковъ, воспринятыхъ еще въ пору юношества, когда человѣкъ, вслѣдствіе кипучаго органическаго роста своего, такъ склоненъ къ преувеличенію своихъ силъ? А можетъ быть, я нахожусь во власти того коллективнаго безумія, которое охватываетъ широкіе круги общества во время войны или внутренняго кризиса, когда люди, утратившіе почву подъ ногами, выбитые изъ привычнаго темпа и ритма жизни, колеблются между невѣріемъ отчаянія и суевѣріемъ волшебныхъ грезъ и мечтаній о загробномъ мірѣ.

Предлагая вамъ посмотрѣть независимо отъ предвзятостей, приглядѣться къ историческимъ аналогіямъ, я къ сожалѣнію долженъ сознаться, что самъ ничего не могу вамъ представить систематическаго, цѣльнаго, только рядъ наблюденій. Я бы скорѣе хотѣлъ вызвать васъ на обсужденіе относящихся сюда историческихъ вопросовъ. И это не потому, что у меня не было времени обдумать свою тему. Нѣтъ, я бы объяснилъ несистематичность своихъ соображеній тѣмъ, что у насъ по вопросу о жизни націй ничего не сдѣлано, я бы сказалъ, ничего не начато. Когда я сталъ перебирать историческіе факты съ этой точки зрѣнія, я особенно живо почувствовалъ пробѣлы въ нашихъ изслѣдованіяхъ, больше того, отсутствіе постановки очень существенныхъ вопросовъ. Я бы сказалъ, что въ жизни націй намъ еще все не ясно; мы не привыкли даже подходить къ этой темѣ.

Прежде всего поставимъ такой вопросъ: можно ли сравнивать гибель, исчезновеніе національности съ естественной смертью организма и связывать подобнаго рода кризисъ съ понятіемъ старости или особой болѣзни, ускоряющей органическое распаденіе?

Безъ сомнѣнія, обозначеніе націй «молодыми» или «старыми» составляетъ очень удобный и красивый оборотъ въ нашихъ обыкновенныхъ разговорахъ, гдѣ такую большую роль играютъ поэтическія метафоры, краткія картинныя и драма-

тичныя сравненія. Но очень ли они пригодны въ наукѣ?

Напр., какъ мы назовемъ націи японскую, великорусскую, французскую, англійскую, китайскую? Пожалуй, первыя двѣ мы будемъ склонны назвать молодыми, третью и четвертую — средняго возраста, послѣднюю — старой. Однако, съ точки зрѣнія антропологической, расовой, подобное различеніе не выдержитъ критики. Японская нація такъ же давно существуетъ безъ постороннихъ народныхъ примѣсей, какъ китайская. Въ предѣлахъ образованія французской націи этническая примѣсь была не очень значительна, а между тѣмъ мы какъ будто въ правѣ считать галловъ другой національностью сравнительно съ нынѣшними французами. Другое дѣло англійская нація которая въ смыслѣ племенныхъ примѣсей испытала больше перемѣнъ въ довольно близкія къ намъ времена (съ V по XI в. нашей эры). Что касается великорусской націи, то какъ будто бы не слѣдуетъ поддаваться обманчивому представленію, что въ смыслѣ расы она началась съ княженій и колонизацій предпріимчивыхъ Юрія Долгорукова и Андрея Боголюбскаго. Вѣроятно, смѣшеніе славянскихъ, финскихъ и урало-алтайскихъ элементовъ тутъ давнишнее.

Слѣдовательно, въ расовомъ смыслѣ всѣ, кромѣ англичанъ, оказались бы націями старыми. Характеръ же этихъ націй въ смыслѣ напряженія энергіи, цѣпкости, способности къ расширенію очень различный. Такимъ образомъ, антрополо-

гическій признакъ не вноситъ ясности въ вопросъ опредѣленія условій жизненности и продолжительности существованія націй.

Спрашивается, даетъ ли въ этомъ смыслѣ болѣе прочное обоснованіе признакъ происхожденія культуры? Можно ли опредѣлять жизненность націи по продолжительности усвоенной ею культуры? Можно ли сказать, что, если нова или недавно привита культура, жизнь націй будетъ долгая, если культура стара, предстоитъ скорый конецъ націй?

Передъ нами примѣръ Японіи, который очень соблазнительно истолковать, какъ доказательство молодой энергіи въ націи, возродившейся благодаря усвоенію чужой, новой культуры. Но, можетъ быть, еще рано судить о результатахъ этого опыта. Вѣдь капиталистическій и воинственно-имперіалистическій расцвѣтъ Японіи продолжается всего полвѣка. Большой вопросъ, надолго ли его хватитъ. Другой вопросъ — вызванъ ли національный подъемъ именно примѣненіемъ европейской техники; не составляетъ ли онъ созданія стариннаго японства, особенно его обѣднѣвшаго рыцарства, которое во внѣшнихъ изобрѣтеніяхъ, въ новыхъ видахъ промышленности, въ имперіализмѣ, въ колонизаціи, въ новомъ характерѣ государственной службы нашло выходъ своей накопившейся энергіи, своимъ, даромъ пропадавшимъ, силамъ. И тогда, можетъ быть, придется сказать, что лишь фасадъ японской національной культуры перемѣнился, само

же строеніе остается на старомъ фундаментѣ; какъ бы ни былъ великъ переворотъ, но продолжается работа прежнихъ культурныхъ факторовъ.

Можетъ быть, Японіи предстоитъ тотъ же путь, что Россія прошла въ послѣдніе два вѣка. Можетъ быть, Японія переживаетъ ту стадію, въ которой Россія была при Петрѣ В. А вѣдь московское государство вступило въ эпоху западно-европейскихъ заимствованій съ очень цѣпкимъ національнымъ чувствомъ, съ большимъ запасомъ колонизаторской и воинственной энергіи. Если оно еще усилилось послѣ Петра, если оно продолжало еще расти, то, можетъ быть, реформы сыграли роль чисто внѣшнюю, служебную, а все содержаніе, весь напоръ имперіализму дали старыя народныя силы. Двѣсти лѣтъ спустя эти силы исчерпались и, хотя техническія заимствованія все продолжали нарастать, національность русская растворилась, ослабѣла, исчерпалась.

Зависитъ ли гибель національной личности и національной энергіи отъ ветхости культуры, можно ли вмѣстѣ съ Руссо сказать, что культурность вообще есть старость и близость конца? Нѣтъ, кажется, это опять только красивая метафора.

Развѣ не обладала Византія старинной культурой античнаго міра, и развѣ не держался Константинополь тысячу лѣтъ именно искусствомъ и умомъ этой старины, уступивши въ концѣ кон-

цовъ лишь внѣшнему натиску неистовыхъ восточныхъ степняковъ? А какъ назвать культуру, которой жило великорусское племя въ свою блестящую московскую эпоху, развѣ это не глубокая, почтенная старина? Рыцарское войско, дисциплина помѣстнаго дворянства, государственныя дороги (нѣчто единственное въ тогдашней Европѣ), система податей, устройство приказовъ, мѣстническіе счеты, сложная художественная символика придворной жизни, изумительное дипломатическое искусство московскихъ дѣятелей — все это развѣ не прямое продолженіе и воспроизведеніе древневосточной культуры, которая черезъ Золотую орду и Арабскій халифатъ восходитъ къ персамъ и Вавилону?

И ужъ никакъ нельзя сказать, что старинность культуры была условіемъ слабости и гнилости Москвы. Мнѣ кажется напротивъ, если московское государство выдержало смуту начала XVII вѣка и смогло опять возстановиться, то это объясняется именно крѣпкимъ строеніемъ національнаго цѣлаго, тѣмъ, что національность срослась съ своей культурой, что эта культура давала смыслъ и направленіе національнымъ силамъ. Для національной энергіи великоруссовъ XVI в. очень характерна политика Грознаго въ Ливонскомъ краѣ, восточной половиной котораго съ Нарвой и Дерптомъ Москва владѣла въ теченіе 20 лѣтъ. Если принять во вниманіе тогдашнюю рѣдкость населенія, неразвитость путей сообщенія, техническую отсталость отъ Запада,—какую

удивительную энергію проявила Москва въ колонизаціи, торговой и земледѣльческой, какой напоръ и какую цѣпкость въ распространеніи своей національной вѣры и языка! И какъ жалки въ сравненіи съ этимъ попытки руссификаціи того же Ливонскаго края въ концѣ XIX в., когда великая имперія, выстроенная на европейскую ногу, обладала громадными техническими, военными, финансовыми рессурсами!

Итакъ, я хочу сказать, что въ опредѣленіи условій жизненности націй сравненіе съ организмами мало помогаетъ; понятія возраста, молодости, старости плохо приложимы къ эпохамъ существованія націй; для сроковъ ихъ жизни не находишь опредѣленной формулы или закона. Старинность культуры — вовсе не условіе слабости, обветшанія національной жизни. Однако, между силой національной энергіи и напряженностью культуры существуютъ какія-то отношенія, какая-то зависимость. Какъ ихъ опредѣлить?

Попробуемъ разсмотрѣть случаи гибели націй на высотѣ культуры. Двѣ даровитѣйшихъ націи античнаго міра, греческая и римская, при всемъ различіи данныхъ, испытали въ концѣ концовъ одинаковую судьбу. Отвлечемся сейчасъ отъ различія между ними въ ходѣ политическаго развитія: Грецію никогда не имѣла объединяющаго центра, Римъ съ центральности можно сказать начинаетъ и работаетъ надъ расширеніемъ периферіи. Отвлечемся отъ различія въ культурныхъ

способностяхъ: греки — великіе мастера въ ремеслѣ, въ торговлѣ и морскихъ предпріятіяхъ; римляне — инженеры, агрономы, администраторы. Сейчасъ намъ эти различія не важны, намъ существенно другое.

Та и другая нація имѣютъ свой героическій періодъ, который для грековъ сосредоточивается около борьбы съ имперіей персовъ, для римлянъ около войнъ пуническихъ. Подъ вліяніемъ внѣшней грозной опасности нація развертываетъ необычайное богатство силъ, неслыханную боеспособность. Въ разныхъ областяхъ государственнаго строительства, военной техники, литературныхъ созданій нація обнаруживаетъ величайшую самоувѣренность, быстро и нервно изобрѣтаетъ; если заимствуетъ, то не чувствуетъ себя обязанной учителю, а примѣняетъ заимствованное точно свое, гордится своей національностью превыше мѣры, весь остальной міръ трактуетъ, какъ варварство.

Между прочимъ любопытно для этихъ эпохъ героическаго подъема національности появленіе національной исторіографіи. Въ Греціи всѣ три имени крупнѣйшихъ историковъ, Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ принадлежатъ національностическому вѣку. Изъ соотвѣтствующей эпохи римской имперіи, къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ ни Катонъ, ни анналисты. Но когда мы читаемъ Ливія, мы должны помнить, что въ своихъ картинахъ древней римской доблести, вообще въ рисункѣ своеобразнаго генія римлянъ,

ихъ національной личности, поздній писатель цѣликомъ обязанъ анналистамъ, которые начали работать подъ вліяніемъ могущественнаго толчка пуническихъ войнъ. Замѣтимъ, что у обоихъ народовъ періодъ расцвѣта національности очень недологъ.

Потомъ для обѣихъ націй наступаетъ эпоха имперіалистическаго расширенія. Имперіализмъ составляетъ видимое продолженіе націонализма, это своего рода полетъ на крыльяхъ національной энергіи, но его результатъ — ослабленіе этой энергіи, раствореніе національности, исчезновеніе ея нервной, ея духовной мощи. И вотъ этотъ фактъ особенно замѣтенъ въ судьбѣ грековъ и римлянъ.

Вторгаются чужіе люди, костюмы, вкусы, обиходъ жизни. Появляется великій спросъ на чужіе обряды, вѣрованія. Литература и школа принимаютъ оттѣнокъ космополитическій. Все иностранное, иновѣрное начинаетъ казаться милѣе, интереснѣе родного, отечественнаго; своего, патріархальнаго, традиціоннаго стыдятся, свое презираютъ. Когда читаешь Юстина-философа, поражаешься, какимъ образомъ образованный человѣкъ разочаровался въ великихъ созданіяхъ родной греческой литературы и философіи и повѣрилъ въ большую глубину и силу экзотической іудейско-халдейской мысли.

Конечно, очень много значитъ въ этомъ паденіи національности фактъ внѣшняго физическаго растворенія. Рождаемость націи далеко не

поспѣваетъ за ростомъ территоріи въ имперіи, въ колоніяхъ, которыя образуетъ господствующая нація, она разрѣжаетъ свой составъ. Нація перестаетъ быть плотнымъ единымъ тѣломъ; смѣшанные браки измѣняютъ ея составъ. Правда, она много навязываетъ покореннымъ, она ассимилируетъ другія націи, она достигаетъ большихъ эффектовъ распространеніемъ государственнаго языка, привитіемъ своей школы. Но еще больше, можетъ быть, господствующая нація береть у подчиненныхъ, еще больше она сама варваризируется. Затѣмъ важную роль играетъ переходъ завоевателей на мирную ногу. Воители, странствующіе торговцы превращаются въ землевладѣльцевъ и бюрократовъ. Само общество глубоко видоизмѣняется одновременно съ ростомъ имперіи. Это измѣненіе мы называемъ обыкновенно демократизаціей, уравненіемъ сословій; оно выражается въ исчезновеніи старыхъ корпорацій, рѣзкихъ группировокъ, привилегій и преимуществъ рожденія. И въ Греціи, и въ Римѣ самый выдающійся фактъ изъ этой области — паденіе наслѣдственной аристократіи, соотвѣтствующей нашему дворянству (въ Греціи всадничества, въ Римѣ нобилитета), и только тутъ въ моментъ гибели этой старинной корпораціи становится видно, какую существенную роль она играла въ образованіи и защитѣ національнаго государства.

Что же происходитъ собственно въ области культуры, матеріальной и духовной? — Несомнѣнно, выше и тоньше становится техника —

возьмите что угодно: литературныя формы, общественные нравы, комфортъ домашней и публичной жизни, военныя сооруженія. Но ко всей блестящей внѣшности не хватаетъ вдохновенія. Какъ разъ именно исчезновеніе національной терпкости и остроты, космополитическая, интернаціональная вялость разслабляетъ и парализуетъ дѣятельныя силы.

Въ театрѣ, въ политической обстановкѣ наглядно сказывается тотъ фактъ, что при великолѣпномъ оборудованіи нѣтъ подъема, нѣтъ глубокаго внутренняго интереса. Въ Римѣ напр. государство готово бросать колоссальныя суммы на постановки, а между тѣмъ ничего не выходитъ, кромѣ пустѣйшихъ феерій, головокружительныхъ балетовъ, сценическихъ парадовъ, секретъ же увлекательныхъ пьесъ Плавта и Теренція, которыя разыгрывались на скромныхъ подмосткахъ маленькой подвижной сцены, пропалъ. Или въ политическомъ быту: Цезарь выстраиваетъ для народа на форумѣ великолѣпную крытую базилику, чтобы не приходилось толпиться въ собраніяхъ подъ открытымъ небомъ на холодѣ и подъ дождемъ; но бѣда въ томъ, что, когда народу соорудили дворецъ, какъ разъ потеряли смыслъ всякія собранія, не о чемъ стало спорить и голосовать.

Какъ будто бы эти два процесса, культурный и національный, идутъ параллельно, но противоположнымъ ходомъ: одинъ вверхъ, другой

внизъ. По мѣрѣ того, какъ утончаются формы общежитія, сложнѣе становится научная мысль, требовательнѣе литературные вкусы, національныя начала отступаютъ. Мнѣ всегда представляется особенно живо картина необычайно изящной, тонкочувствительной литературы II вѣка послѣ Р. Х. Слѣдомъ за Тацитомъ и Плутархомъ какія изумительныя вещи: Арріановы бесѣды съ Эпиктетомъ, сатирико-философскіе діалоги Лукіана, фантастическія сказки Апулея, моралистическій дневникъ М. Аврелія и среди нихъ литературный перлъ II вѣка, оригинальнѣйшій, больше нигдѣ не повторявшійся жанръ біографій Богочеловѣка, который мы читаемъ въ Евангеліяхъ. Кромѣ Апулея, всѣ эти произведенія написаны на космополитическомъ общекультурномъ языкѣ того времени, греческомъ, но ихъ читатели преимущественно представители римскаго общества большихъ городовъ — самого Рима, Карѳагена, Александріи; напр. Евангелія явно написаны для римлянъ, хотя и дѣлаютъ видъ, что интересуются только Палестиной, а о Римѣ ничего не вѣдаютъ. И однако ничего національно-греческаго или національно-римскаго нѣтъ въ беллетристикѣ и философіи эпохи. Двѣ когда-то господствовавшія націи начинаютъ исчезать; въ должностяхъ, въ управленіи, въ военномъ командованіи, въ школьномъ дѣлѣ выдвигаются инородцы. Въ эпоху Константина и Ѳеодосія ни грековъ, ни римлянъ, какъ національности, уже не существуетъ.

Здѣсь передъ нами случай безвозвратной гибели національности. Опять не похоже на органическіе процессы смерти, разложенія, химическаго превращенія. О смерти можно говорить только въ переносномъ смыслѣ прекращенія извѣстной бытности. Если такъ условно разумѣть смерть національности, то можетъ быть получается поправка и для того, какъ понимать возможность возрожденія націи. Кстати сказать, терминъ «возрожденіе» и безъ того не принадлежитъ къ области сравненій изъ органическаго міра. Онъ, пожалуй, цѣликомъ относится къ богословской сферѣ и, можетъ быть, онъ не что иное, какъ своеобразно выраженная, замороженная, старинная формула безсмертія души. Тѣмъ легче намъ съ этимъ терминомъ распорядиться, разумѣть его въ условномъ смыслѣ возстановленія какой-то старой, не исчезнувшей совсѣмъ жизни и организаціи. Въ такомъ случаѣ «возрожденіе» можетъ быть замѣнено и другимъ терминомъ: «реставрація».

Когда я осматриваюсь въ предѣлахъ извѣстныхъ мнѣ историческихъ фактовъ, мнѣ кажется особенно ярко выраженной реставраціей судьба персовъ. И даже у персовъ какъ будто можно отмѣтить двѣ реставраціи. Если первой оригинальной эпохой расцвѣта персидской національности считать время Ахеминидовъ VI и V вѣка до Р.Х., то послѣ разгрома ея въ IV вѣкѣ, послѣ македонскаго и парѳянскаго чужеземнаго владычества въ теченіе 5 слишкомъ столѣтій происходитъ воз-

рожденіе или реставрація при Сассанидахъ въ III в. по Р. Х. Новоперсидская имперія существуетъ 4 вѣка. Она несомнѣнно — созданіе той же народности. Что сказать о ея культурѣ? Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о культурной и религіозной жизни первой эпохи, Ахеменидской, у насъ мало матеріала для сравненія съ временемъ Сассанидовъ. Повидимому, религія осталась та же самая, но она испытала реформу, которая привела къ усиленію церковнаго элемента.

Затѣмъ происходитъ второе завоеваніе, вторичная гибель персидскаго національнаго государства подъ натискомъ степныхъ арабовъ. Съ неудержимой силой распространяется религіозная организація кочевниковъ — исламъ, и даже территорія Персіи становится одно время мѣстомъ наиболѣе строгой и ревностной богословской школы мусульманства. Но и этотъ разгромъ, повидимому, болѣе основательный, чѣмъ греческое и парѳянское завоеваніе, не приканчиваетъ совсѣмъ національной жизни персидскаго народа, напротивъ, происходитъ новая реставрація, на этотъ разъ подъ новымъ религіознымъ знакомъ. Какъ извѣстно, халифатъ Аббасидовъ былъ только по своему оффиціальному облику арабскимъ; существо его было персидское. Уже при первыхъ Аббасидахъ персы заполонили администрацію и даже дворъ. Имперія Аббасидовъ опиралась на старую территорію персидскаго государства и на его рессурсы. Мусуль-

манское правовѣріе при Аббасидахъ чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становится подозрительнымъ; проступаютъ все больше черты свои, мѣстныя, національно-персидскія: шіитство персовъ только щитъ, за которымъ скрывается самобытность ихъ культуры. Еще позже при Газневидахъ Персія совсѣмъ оторвалась отъ остального мусульманскаго міра; въ эту эпоху персидскіе поэты стараются заинтересовать общество національнымъ эпосомъ.

Исторія персидскихъ національныхъ реставрацій интересна для наблюденія надъ сроками замиранія, которые раздѣляютъ эпохи расцвѣта. Въ первый разъ дѣйствіе разгрома простирается на 5 вѣковъ. Во второй разъ періодъ оттѣсненія національности короче, что-то около 2-хъ вѣковъ, но, пожалуй, можно сказать, что и реставрація носитъ менѣе рѣшительный, менѣе полный характеръ.

Нѣсколько иначе проходятъ реставраціи іудейской націи, которая рано стала территоріально разбиваться и никогда не могла образовать большой организованной державы. Я считаю возможнымъ назвать первой реставраціей, удавшейся, тѣ церковныя, литературныя, юридическія и богословскія событія, которыя сосредоточиваются около возстановленія іерусалимскаго храма въ V вѣкѣ до Р. Х. Новой реставраціей, неудавшейся, потому что она была осложнена политическими моментами, можно назвать событія конца I и начала II в. по Р. Х., т. е. два вели-

кія іудейскія возстанія, гибель Іерусалима, мессіанизмъ и пропаганду іудейской религіи въ предѣлахъ греко-римскаго міра. Появленіе христіанства, хотя оно и результатъ этихъ движеній, хотя оно начинается въ видѣ іудейской секты, уже выходитъ за предѣлы реставраціи, какъ факта національной жизни іудейства.

Отличіе отъ персовъ не только въ томъ, что не доходитъ дѣло до образованія большой державы, не только въ неполнотѣ реставраціи, но еще въ томъ, что въ исторіи іудейства иныя, чѣмъ въ судьбѣ персовъ, отношенія момента разгрома и момента реставраціи; въ исторіи персовъ разбитая національность собирается съ силами въ тиши, по мѣрѣ того, какъ слабѣетъ побѣдившая ее внѣшняя сила. Въ исторіи іудейства національная реставрація, по крайней мѣрѣ во второй разъ, возникаетъ именно подъ давленіемъ враждебныхъ внѣшнихъ элементовъ. Выступленіе Маккавеевъ и первые проблески воинствующаго націонализма начались подъ натискомъ эллинизма, а революціонное движеніе, подводящее къ великому іудейскому возстанію и катастрофѣ — результатъ давленія римской политики, при чемъ интересно, что и іудейство успѣло сдѣлать завоеванія въ самомъ Римѣ: вѣдь не только до іудейской войны было немало приверженцевъ іудейской вѣры въ римскихъ сферахъ, но и сама династія Флавіевъ, воцарившаяся на развалинахъ Іерусалима отъ іудейскаго мессіанизма; Веспасіанъ и его сыновья придавали боль-

шое значеніе тому, что они возсіяли на востокѣ, въ качествѣ восточныхъ царей; они сильно сближались съ іудейскимъ консервативнымъ направленіемъ, которое представляетъ Іосифъ Флавій, кажется, хотѣли сдѣлать изъ этого направленія что-то въ родѣ опоры своей религіозной политики.

Въ судьбѣ обѣихъ національныхъ культуръ, персидской и іудейской, есть одна общая черта. Обѣ націи, послѣ своихъ реставрацій, останавливаются въ культурномъ творчествѣ, костенѣютъ, застываютъ въ нѣкоторой неподвижности. Смертью такую остановку уже никакъ не назовешь, да и дѣйствительно, это нѣчто иное, чѣмъ прекращеніе или исчезновеніе римской и греческой національности.

Если бы меня спросили, какое примѣненіе приведенныхъ аналогій можно сдѣлать къ данному, переживаемому нами моменту, къ судьбѣ русской національности, я бы затруднился отвѣтить. Положеніе очень сложно; ни одинъ изъ извѣстныхъ историческихъ примѣровъ цѣликомъ не совпадаетъ съ даннымъ, какъ это и слѣдуетъ въ исторіи, гдѣ нѣтъ буквальныхъ повтореній. А главное: мы вѣдь никто и никогда не занимались изслѣдованіемъ относящихся сюда вопросовъ, у насъ нѣтъ описаній національной жизни, національнаго творчества, у насъ нѣтъ матеріала для сравненій и заключеній. Наши діалектическіе, платоновскіе и другіе методы, которыми мы

до сихъ поръ орудовали — богословская схоластика и больше ничего.

Я позволилъ бы себѣ только одно замѣчаніе относительно изученія судьбы русской національности, которое высказываю съ просьбой къ спеціалистамъ русской исторіи, если я ошибаюсь, меня исправить. Русская исторія, кажется мнѣ, изучалась очень долго точно какой-то процессъ sui generis со своими особыми законами существованія, такъ что первыя аналогіи, которыя рѣшился провести Павловъ-Сильванскій, показались неслыханной ересью и были осуждены, какъ ненужность въ наукѣ, изучавшей русскую дѣйствительность.

Такъ упорно не хотѣли пользоваться важнѣйшимъ рессурсомъ естественныхъ сравненій, не хотѣли впускать въ ученую камеру дневной свѣтъ, открывать всѣ окна, считая, что какъ работалось хорошо при традиціонной свѣчкѣ, такъ и всегда останется хорошо работать при ней же. Одновременно и по той же причинѣ обрѣзывали всѣ нити, которыми русская исторія связана съ исторіей другихъ народовъ; русская исторія никогда не трактовалась, какъ составная часть всемірной, а вѣдь она — очень крупная, очень важная и характерная часть всемірно-историческаго круга событій.

Если въ этомъ отношеніи наступитъ перемѣна, то я бы не хотѣлъ, чтобы мы попали въ другую крайность, чтобы мы сдѣлались безразличными космополитами въ историческихъ сво-

ихъ толкованіяхъ, чтобы мы утратили способность различать краски и оттѣнки, чувствовать индивидуальность. Что касается русской исторіи, я бы позволилъ себѣ два предостереженія, если меня опять не осудятъ спеціалисты. Одно— въ отношеніи къ древности. Напрасно было бы думать, что западные народы ближе примыкаютъ къ культурѣ древняго міра, а мы точно какіе-то варвары дальше стоимъ отъ этой старины и начинаемъ свое существованіе съ произванія варяговъ. Конечно, наши предки и предшественники ближе къ намъ географически — они восточнѣе предковъ западноевропейскихъ націй. Другое мое замѣчаніе касается именно этой близости нашей къ Востоку, и античному, и средневѣковому. Безъ сомнѣнія, наша своеобразность именно въ нашей связи съ Азіей. Только опять было бы ошибкой азіатство разсматривать исключительно, какъ варварство. Тамъ сложная, глубокая своей стариной культура, въ которой историкъ можетъ много почерпнуть аналогій.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ИЗУЧЕНІЯ АНТИЧНОСТИ

Есть у культурнаго человѣка одно досадное свойство: забывать о своихъ предшественникахъ, не чувствовать, чѣмъ онъ самъ и его современники обязаны прошлому, воображать, что блага культуры получились сами собой. Есть эпохи, когда общество съ какой-то страстностью отдается забыванію, готово преувеличивать свои умѣнія, выбрасывать вонъ весь опытъ старины. Такой моментъ мы переживаемъ сейчасъ. Предназначены къ уничтоженію цѣлые факультеты, потому что ихъ предметомъ было изученіе прошлаго — литературы, права, исторіи далекихъ временъ. Намъ говорятъ: обучайте молодежь только тѣмъ явленіямъ жизни, которыя похожи на ея собственныя переживанія: дайте ей понятіе о формахъ новѣйшаго труда, о переворотахъ, которые привели къ его освобожденію, о принципахъ, пригодныхъ для современности. Никакой исторіи, археологіи, юриспруденціи, поэзіи больше не нужно.

Такого рода преувеличеніе и самовлюбленность можетъ перейти въ крайность, когда люди начнутъ уничтожать традицію, топтать и жечь ея памятники въ буквальномъ смыслѣ слова. Торжествующая христіанская церковь переживала въ IV вѣкѣ такой періодъ варварскаго упадка и нигилизма: ея руководителямъ доставляло жестокое наслажденіе крушить все, что напоминало античную старину, хотя сами они всѣмъ были обязаны этой старинѣ, можно сказать, цѣликомъ изъ нея вышли. Въ эти-то времена погибла, между прочимъ, знаменитая александрійская библіотека, уничтоженная руками озвѣрѣвшихъ, опустившихся на дно интеллигентовъ. Говорятъ, что и у насъ въ послѣднее время бывали случаи такого истребленія старыхъ книгъ, когда упивались разрываніемъ и сожиганіемъ того, что непомнящему упадочнику представляется ненужнымъ хламомъ.

Иногда думается съ ужасомъ, что вѣдь и конца нѣтъ этому виду человѣческаго безумія. Помните анекдотъ о Діогенѣ, который, кажется, ужъ избавился отъ всякой обстановки, и все-таки нашелъ у себя излишекъ въ видѣ чашки, которую и разбилъ, чтобы стать истиннымъ пролетаріемъ. Такъ вѣдь и современные разрушители готовы уничтожить кругомъ себя всѣ слѣды культуры, разорвать всѣ связи съ прошлымъ.

Надо напомнить, что отрицатели культуры не со вчерашняго дня появились. Безоглядному нигилизму и цинизму упадочниковъ предшество-

бали теоріи самоувѣренныхъ вдохновителей новѣйшаго дѣлового предпринимательства.

Увлеченные прогрессомъ, они говорили, что человѣчество достигло научной и технической высоты, на которой ей болѣе не нужны наивные уроки древности. Ихъ построеніе составляло результатъ громадныхъ успѣховъ индустріальной системы, благодаря которой Европа и Америка сдѣлались господами міра въ послѣдніе 100 лѣтъ. Дѣйствительно, могло казаться, что преуспѣвающія націи въ своемъ техническомъ развитіи очень сильно отклонились отъ темпа жизни, отъ вкусовъ и наклонностей, отъ искусства и ремесла старинныхъ народовъ, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ. Новѣйшая культура, гордая своимъ машинизмомъ, увлекла въ свой водоворотъ не малую долю Востока, въ лицѣ Японіи, и стала вплотную передъ стѣной Китая, грозя сломить его вѣковое традиціонное упорство. Тѣмъ, кто уносился мыслью на крыльяхъ теоріи прогресса, могло казаться, что старое человѣчество отходитъ въ вѣчность и уже не оживетъ.

Жестокій кризисъ, который постигъ какъ разъ технически наиболѣе развитыя націи, напомнилъ о непрочности этой европейско-американской культуры. Особенно поразительно, что новѣйшая система индустріализма и всемірнаго обмѣна не успѣла расцвѣсти, какъ уже раскололась внутри, разбилась во взаимной борьбѣ составляющихъ ее силъ.

Европейское общество точно отброшено въ средневѣковье, къ первобытности. Силою вещей его помыслы направлены опять къ старинѣ, отъ преходимости настоящаго къ вѣчности прошлаго. Можно предвидѣть наступленіе новой романтики, когда будутъ усиленно изучать старинные вѣка, литературу, религію и философію Древности и Средневѣковья, искать въ нихъ поученія. Что же изученіе старины даетъ жаждущему исцѣленія и утѣшенія обществу, чѣмъ его напитаетъ и успокоитъ?

Античность не одинъ разъ помогала возрожденію европейскаго общества, вливала въ него вдохновеніе, сообщала живительный толчокъ мысли и творчеству. Въ такія эпохи возврата къ памятникамъ старины, литературнымъ, художественнымъ, религіознымъ, политическимъ, замѣчалось любопытное явленіе. Искатели не случайно открывали неожиданныя для себя черты въ забытомъ и воскрешаемомъ ихъ усиліями мірѣ. Нѣтъ, всякій разъ они слѣдовали какому-то могущественному внутреннему позыву, они открывали въ томъ направленіи, въ какомъ искали. Открытіе старины было вмѣстѣ съ тѣмъ пробужденіемъ, выходомъ наружу назрѣвшей сильной потребности.

Въ эпоху гуманизма XV и XVI вв., которую мы привыкли называть просто Возрожденіемъ, хотя для новѣйшей Европы вѣрнѣе обозначить его «первымъ Возрожденіемъ», — литературно

ученый міръ увлекался идеалами красивой, убѣдительной рѣчи и яснаго, разумнаго построенія поэзіи. Никогда, пожалуй, не было такого культа слова и поэтизированія разума. И вотъ какъ разъ извлеченные изъ подъ спуда Цицеронъ, Титъ Ливій, Тацитъ, Горацій, Виргилій, Ювеналъ давали несравненные образцы такой рѣчи и такой поэзіи. Ново-европейцы горячо занялись задачей воскрешенія языка и стиля греко-римлянъ, соорудили впервые классическую гимназію, наполнили сцену классическими трагедіями.

Гораздо меньше вдохновились они художественной красотой античныхъ руинъ. Мазаччіо, Леонардо, Рафаэль, Микель-Анджело, Браманте шли своими путями. Они такъ и не узнали ничего объ античной живописи, да и не нуждались въ ея познаніи. Въ архитектурѣ они выработали стиль, далекій отъ классицизма. Они развивали тѣ художественныя формы, которыя создались въ общеніи съ заальпійскимъ Сѣверомъ, Франціей, Германіей, Нидерландами, съ странами несравненной, средневѣковой городской культуры. — Весьма слабое вниманіе отдавали гуманисты также политической жизни античнаго міра. И это потому, что къ придворному быту тирановъ, папъ и королей, къ пышной позолотѣ высококупеческаго міра, гдѣ ораторы и поэты находили себѣ покровительство, мало подходили простыя, сурово-непритязательныя фигуры республиканской жизни древности, всѣ эти Периклы, Сократы, Катоны и Бруты.

Восемнадцатый вѣкъ, эпоха, предшествующая великой французской революціи и индустріальному перевороту, составляетъ второе европейское Возрожденіе. Если въ первое Возрожденіе преимущественно увлекались римлянами, то теперь на видное мѣсто выступили греки.

Побужденія обращаться къ примѣрамъ древности были сложны. Для представителей освободительнаго движенія, . для современниковъ Руссо, Мирабо, Дантона, Шиллера, Альфіери, взывавшихъ къ героическимъ чувствамъ общества, къ разбитію оковъ деспотизма, нужны были какъ разъ примѣры политической доблести, блиставшіе въ античномъ мірѣ. Имъ нужны были великія личности, титаны политическаго дѣйствія, демагоги, тираноубійцы, самоотверженные вожди народа.

Впереди всѣхъ блисталъ образъ братьевъ Гракховъ. Въ «Исторіи революцій римской республики» аббата de Vertot была дана восторженная характеристика двухъ великомучениковъ святого народнаго дѣла. Одинъ изъ либеральныхъ аристократовъ, мечтавшихъ о героической революціи, д'Аржансонъ Младшій, разсказываетъ: «Мы думали въ молодости, что находимся въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ были братья Гракхи, или что мы можемъ совершить столь же великія дѣла, какъ и они; и если бы пришлось встрѣтиться съ неодолимыми препятствіями, то все-таки осталась бы возвышенная

слава за человѣкомъ, который бы сдѣлалъ эту попытку».

Среди античныхъ писателей особенное вниманіе сталъ привлекать Плутархъ съ его параллельными жизнеописаніями греческихъ и римскихъ героевъ и политическихъ дѣятелей. Между прочимъ я долженъ замѣтить, что было бы невѣрно считать Плутарха за благодушнаго педагога, за наивнаго популяризатора для юношества. Нѣтъ, это — писатель въ высокой мѣрѣ рефлектирующій, насквозь проникнутый резонерствомъ. Онъ исходилъ отъ моралистическихъ идей эпохи заснувшей политической жизни и хотѣлъ оживить упавшія общественныя чувства проповѣдью и живописаніемъ личнаго начала. Предшественники революціи находили его наглядные уроки очень подходящими для своихъ цѣлей; многіе считали свою эпоху похожей на упадочную римскую имперію.

Но я повторяю, вѣкъ, предшествующій революціи, не былъ такъ простъ и однороденъ по настроеніямъ. Въ Европѣ нарождалась нервическая промышленность, изобрѣталась одна машина за другой, развивался широкій обмѣнъ, и государство старалось поспѣть за этимъ развитіемъ, вырабатывая сложный бюрократическій аппаратъ. Когда либеральная и радикальная оппозиція вооружилась противъ политическаго деспотизма во имя свободы личности, она противилась новой чиновничьей службѣ, системѣ контролеровъ, ревизоровъ, которую все шире

развивало правительство, она упиралась противъ того духа механическаго порядка, умѣренности и аккуратности, который старались внѣдрить власти въ школахъ и университетахъ.

У насъ есть изумительный документъ предреволюціонныхъ настроеній. Это — драма Шиллера «Разбойники», нѣчто въ родѣ репетиціи революціи на сценѣ богемскихъ лѣсовъ. Послушайте, что тутъ говоритъ Карлъ Мооръ, глава вольнодумныхъ студентовъ, превратившихся въ идеалистическихъ разбойниковъ. Онъ негодуетъ на чернильный вѣкъ, который потерялъ природныя силы, сидитъ за книжкой и теоріями, разгорячаетъ свое воображеніе и совершенно лишенъ воли. «Я не хочу затягивать свое тѣло въ корсетъ и замыкать свою волю въ законы. Законъ обратилъ въ ползающихъ улитокъ тѣхъ, кто рожденъ къ орлиному полету. Законъ еще не создалъ ни одного великаго человѣка, свобода рождаетъ колоссовъ и крайности. Они (т. е. дисциплинированные граждане) замыкаются, какъ въ стѣнѣ, въ животѣ какого-то тирана, ухаживаютъ за капризами его желудка. Поставьте-ка меня во главѣ арміи такихъ молодцовъ, какъ я, и Германія стала бы республикой, въ сравненіи съ которой Римъ и Спарта покажутся бабьими общежитіями!»

Тутъ взятъ вообще крайне преувеличенный тонъ, но вы видите, въ какой связи появляется античность. Она — примѣръ свободы, анархи-

ческаго героизма; революціонеръ ею вдохновляется, надѣясь, однако, ее превзойти.

Опять новое усложненіе. Не только бурливые, несдержанные характеры ищутъ опоры въ античномъ мірѣ противъ дисциплины фабричной системы и бюрократическаго управленія. Туда же къ античности тянутся романтическія натуры поэтовъ, художниковъ, эстетовъ, которые воображаютъ найти въ классическомъ мірѣ красивую, спокойную, уравновѣшенную, исполненную мудрости жизнь. Олимпійски ровный Гете и люди его круга стремятся найти противодѣйствіе безпокойному предпринимательству, погонѣ за наживой, ускоренію темпа жизни, которое принесъ съ собою вѣкъ машинъ. Противоположность лихорадочной поспѣшности современнаго вѣка они находятъ все въ томъ же античномъ мірѣ; они создаютъ фантазію о гармоническомъ міровоззрѣніи древнихъ грековъ, о равновѣсіи тѣлеснаго и душевнаго развитія античнаго человѣка.

Подтвержденіе своей вѣры восторженные поклонники античной красоты находятъ въ греческомъ искусствѣ, собственно въ пластикѣ, при чемъ всѣ произведенія разсматриваются, какъ ровное, одинаковое выраженіе одного духа, безъ вниманія къ реальнымъ особенностямъ; каждая случайная черта возводится въ абсолютную величину. Такъ напр., изъ того сбстоятельства, что изъ развалинъ извлекались бѣломраморныя статуи, дѣлали тотъ выводъ, что греческое искусство

въ принципѣ избѣгало окраски скульптуръ. А между тѣмъ оказалось, что многія статуи имѣли окраску, которая стерлась отъ времени. Далѣе, большая часть найденныхъ статуй были не оригиналы, а копіи съ бронзы, т. е. оригиналы-то были именно цвѣтные, а не бѣлые.

Особенно принято было говорить о жизнерадостности грековъ, объ отсутствіи у нихъ пессимизма, о счастливой наклонности и рисовать себѣ боговъ человѣчными и человѣкоподобными, объ отсутствіи въ ихъ церковной жизни нетерпимости и мистицизма. Теперь намъ странно, какъ могли поклонники классицизма считать гомеровскую игру съ богами, полную скептицизма и фривольности, за богословскую систему, какъ они не хотѣли видѣть глубоко мрачныхъ нотъ въ греческой трагедіи, какъ не распознали позади свѣтски мягкихъ діалоговъ Платона гнѣвъ и жажду истребленія инквизитора, жившаго въ эпоху ожесточенныхъ религіозныхъ столкновеній.

Изъ двухъ теченій, сходившихся на преклоненіи предъ античностью, скорѣе выдохлось то, которое совпадало съ революціонными протестами. Осталось второе, тихо романтическое. А воспользовался имъ политическій консерватизмъ, который стремился ввести въ школу начало задерживающее, искалъ опоры въ формальныхъ дисциплинахъ, боялся познанія природы, какъ источника матеріализма. Отсюда строеніе классической гимназіи XIX в., въ которой всѣ предразсудки, всѣ отвлеченности второго Возрожде-

нія были искусственно закрѣплены и осуждены на закостенѣніе. Связь классицизма съ политической реакціей оказалась для него роковой, поскольку она исказила черты школы, построенной на изученіи античнаго міра, и увлекла ее за собой въ бездну паденія.

Остановимся теперь на ближайшемъ къ намъ времени. Что мы сейчасъ знаемъ о древнемъ мірѣ, чего мы тамъ ищемъ, чѣмъ вдохновляемся, какое образовательное значеніе имѣетъ онъ для насъ?

Гуманисты, дѣти вѣка торжественныхъ витіеватыхъ рѣчей, жадно схватились за Цицерона, Ливія, Сенеку. Современники революціи и Наполеона увидали въ древности прежде всего Гракховъ и Цезаря. Мы, дѣти индустріальнаго вѣка, матеріалисты, которымъ не до праздниковъ и декоративныхъ шествій, дѣловые и практичные, привыкшіе цѣнить непосредственно полезное, мы прежде всего стали присматриваться къ будничной обстановкѣ, къ мелочамъ жизни древнихъ, къ ихъ рабочимъ и техническимъ пріемамъ, къ тому, какъ они орудовали молоткомъ и пилой, какъ пахали и приручали животныхъ, чѣмъ питались, какую имѣли посуду и т. д.

На этой основѣ выросла типичная наука XIX в.—археологія. Наука о вещахъ, которая представляетъ своеобразную идеализацію ремесла и машины въ видѣ поисковъ ихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Наука, которая знаетъ только безыменное искусство и трудъ, знаетъ общечеловѣ-

ческіе пріемы, но не знаетъ личностей, ихъ душевныхъ переживаній, изгибовъ ихъ ума и воли. Наука насквозь матеріалистическая.

Археологическія открытія раздвинули необычайно область древней исторіи и дали рядъ поразительныхъ картинъ, измѣнившихъ наши понятія о культурѣ человѣчества. Если Гомера прежде считали колыбелью Греціи, первобытностью Европы вообще, то теперь ахейцы, бившіеся подъ стѣнами Трои, оказались однимъ изъ очень позднихъ культурныхъ наслоеній, которое водворилось послѣ многихъ разрушеній и реставрацій. Блестящая бронзовая эпоха, похожая на гомеровскую, оказалась въ Скандинавіи. Въ Тель-эль-Амарнѣ въ Египтѣ найденъ дипломатическій архивъ фараоновъ XIV вѣка до Р. Х., изъ котораго видно, что въ Передней Азіи и Сѣверной Африкѣ существовалъ международный языкъ, оживленный торговый обмѣнъ, цѣлая система государствъ, которыя вели крупную политику, пересылались посольствами и нотами.

Найденъ вавилонскій Судебникъ, изданный за 2000 лѣтъ до Р. Х. Изъ него мы узнаемъ, что въ тѣ времена въ долинѣ Евфрата было густое населеніе, мобилизація земли, строительная горячка, обширный классъ врачей, организація кредита — цѣлый рядъ явленій капиталистическаго вѣка. Тамъ же, на Евфратѣ, открыта археологами груда продовольственныхъ и поименныхъ списковъ, квитанцій, карточекъ на полученіе продуктовъ, которая показываетъ, что въ ка-

кую-то отдаленную эпоху тутъ не было свободной торговли, а была система складовъ, магазиновъ, и порядокъ коммунистической выдачи всѣхъ предметовъ пищи и одежды, при чемъ получали отдѣльно мужчины, женщины и дѣти. Нашъ ученый, М. В. Никольскій, который расшифровалъ и описалъ этотъ бюрократическій архивъ, относитъ его къ IV и V тысячелѣтію до Р. Х., т е. за 6 или 7 тысячъ лѣтъ до нашего времени.

Археологи начали съ верхнихъ слоевъ, съ эпохъ, засвидѣтельствованныхъ письменными документами. Забираясь все глубже, они знакомились съ цивилизаціей болѣе старинной, о которой раньше и не подозрѣвали. Вѣкъ металла сталъ представляться теперь въ видѣ тонкаго, непродолжительнаго, поздняго слоя, который въ самыхъ существенныхъ чертахъ живетъ наслѣдіемъ болѣе старинной эпохи, условно называемой каменнымъ вѣкомъ. Эта эпоха оказалась творческой по преимуществу. Къ ней относятся изобрѣтенія хлѣбопашества, садоводства, винодѣлія и прирученія животныхъ, слѣдовательно, всѣ способы питанія, которыми и понынѣ живетъ человѣчество; къ ней относятся крупныя оросительныя и канализаціонныя системы, выдѣлка посуды и тканей, т. е. основы нашего инженернаго, строительнаго, ремесленнаго производства. Туда же относится созданіе великихъ религіозныхъ системъ, устройство суда и расправы, организація семьи и рода, организація большихъ человѣческихъ обществъ. Наконецъ,

тогда же были сдѣланы тщательныя наблюденія неба и его свѣтилъ, возникла астрономія, былъ изобрѣтенъ календарь и установленъ счетъ времени.

Сравнительно съ культурой каменнаго вѣка, наша металлическая — если говорить условными терминами археологіи — удивительно краткосрочна. Мы прожили какіе-нибудь нѣсколько десятковъ столѣтій. Напротивъ, жизнь прежняго вѣка приходится считать десятками тысячелѣтій. Притомъ мы — его наслѣдники, которые въ основныхъ чертахъ всѣмъ обязаны старымъ оригинальнымъ изобрѣтеніямъ. Мы напр. ничего не прибавили въ смыслѣ состава культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ. Мы главнымъ образомъ ускорили производство орудій и тканей, а также ускорили средства сообщенія. Мы, пожалуй, привыкли быстрѣе тратить вырабатываемые продукты, быстрѣе растрачивать наши физическія и духовныя силы. Но мы не создали другихъ основъ цивилизаціи сравнительно съ каменнымъ вѣкомъ.

Объ открытіяхъ археологіи можно сказать, что чѣмъ дальше копатели забирались въ глубь вѣковъ, тѣмъ чуднѣе становилась картина человѣчества. Въ каменномъ вѣкѣ очень скоро замѣтили различіе между палеолитиками и неолитиками. Если посмотрѣть съ точки зрѣнія музейныхъ собраній, разница какъ будто только техническая—шлифованныя крупныя каменныя орудія и болѣе мелкія, не такъ тщательно выдѣ-

ланныя, — но въ дѣйствительности различіе между неолитиками и палеолитиками громадное. Смѣло можно сказать: это различіе крупнѣе, чѣмъ между неолитиками и нами.

Неолитики составляли большія осѣдлыя общежитія съ обширнымъ производствомъ, вели торговлю съ отдаленными краями. Неолитическая культура — размѣренная, дисциплинирующая, обуздывающая личность. Это уже наше общество, организованное въ государство. Палеолитики — бродячій, охотничій, безпокойно анархическій міръ. Это совсѣмъ другое человѣчество, и остается загадкой, какъ оно превратилось въ позднѣйшій цивилизованный міръ. Но если ихъ просто назвать дикарями, этимъ ничего не скажешь. Эти обитатели пещеръ, шалашей и землянокъ, не знавшіе ни обработки земли, ни домашнихъ животныхъ, оставили намъ удивительные образчики своего искусства, живописнаго и скульптурнаго. Глядя на ихъ произведенія, хочется сказать: вотъ когда было чистое искусство, вотъ когда было торжество человѣческой фантазіи!

Судя по глубинѣ и толщѣ наслоеній, это стариннѣйшее человѣчество, которое никакъ нельзя назвать звѣринымъ, существовало уже не десятки, а сотни тысячелѣтій, прерываемое, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, какими-то климатическими катастрофами. Самое поразительное, можетъ быть, то, что это человѣчество вовсе не умерло, а продолжаетъ жить. Я опять разумѣю

не дикарей Африки и Америки, а насъ самихъ, цивилизованныя общества. Вѣдь отъ палеолитиковъ осталась безпокойная воинственность, вѣра въ личныя силы, вѣра въ свободную волю человѣка, продолжающая держаться, несмотря на научный и соціальный опытъ; остались порывы фантазіи. Искусство, чистое искусство, не прикладное, это великолѣпная божественная игра человѣческаго генія, миѳотворчество, способность и охота создавать красивыя сказки, отрывать человѣческую душу отъ будней несчастій земного существованія и уносить въ волшебный міръ, способность, на которой основано все литературное творчество культурныхъ временъ, всѣ эти качества, свойства и умѣнья идутъ оттуда: отъ палеолитиковъ.

Археологическія открытія совершенно измѣнили наши представленія о древней исторіи. То, что называли Древностью еще въ серединѣ XIX в., исторія грековъ, римлянъ, іудеевъ и персовъ, съ краткимъ введеніемъ объ египтянахъ и вавилонянахъ, введеніемъ, надъ которымъ мало задумывались, оказалось ничтожнымъ во времени промежуткомъ. Исторія народовъ Средиземно-морского побережья, которую мы издавна учили въ школахъ, теперь, въ результатѣ археологическихъ открытій, представляется намъ концомъ очень длиннаго развитія. Передъ нами далеко не оригинальныя культурныя творенія, а реставраціи культуры, нѣсколько разъ разруша-

емой, повторенія, исполненныя племенами, которыя позднѣе другихъ пришли на сцену исторіи.

Необходимо указать на другое теченіе въ разработкѣ древности, которое шло параллельно съ археологіей, съ интересомъ къ матеріальной культурѣ, но руководилось совершенно иными мыслями и чувствами. Уже во второмъ Возрожденіи, у сторонниковъ классицизма эпохи французской революціи и индустріальнаго переворота, можно было видѣть два противоположныхъ влеченія: 1. въ силу одного въ старинѣ старались найти героическое начало, движущій активный элементъ; 2. въ силу другого искали въ старинѣ опоры для противодѣйствія поспѣшности и напряженности новѣйшей культуры. Такія же двѣ противорѣчивыя черты находимъ мы въ исканіяхъ нашихъ современниковъ, обращенныхъ къ древнему міру. Вмѣстѣ съ прозаическими, дѣловыми и суховатыми матеріалистами въ изученіе глубокой старины устремляются пламенные протестующіе идеалисты, мечтатели и романтики, которые ищутъ противовѣса механичности, связанности, однообразной тоскливой дѣловитости вѣка, вѣка отказавшагося отъ праздниковъ и дошедшаго до безвкусной, вульгарной фразы: «религія — опіумъ для народа».

Особенно ярко выразился историко-философскій идеализмъ въ исканіяхъ и построеніяхъ такъ наз. панвавилонистовъ. Этимъ именемъ иронически прозвали противники школу нѣмецкихъ оріенталистовъ, Винклера, Делича, Циммерна,

Іенсена, Іереміаса, прозвали за то, что эти ученые нѣсколько опрометчиво спѣшили объявить особенно жгучимъ центромъ старинной культуры Вавилонъ, хотя сами хорошо знали, какъ сравнительно поздно этотъ городъ возникъ. Очень досадно, что названные ученые дали такими утвержденіями матеріалъ для карикатуры, а въ широкихъ кругахъ общества, кажется, только карикатура и распространилась. «Ахъ, вѣдь это фантазеры на тему Библія и Вавилонъ, Bibel und Babel, какъ выходитъ смѣшно по-нѣмецки, — вотъ что знаетъ о нихъ большинство!

А между тѣмъ главная мысль этого направленія вовсе не въ томъ, что все изъ Вавилона. Для восторженныхъ оріенталистовъ важно другое. Имъ важно установить, что въ глубинѣ вѣковъ была величественная, стройная религіозная система, которая охватывала своей дисциплиной всѣ стороны жизни, всѣ помыслы и душевныя движенія личности, которая обладала тайной гармонизаціи интересовъ, влеченій, настроеній и мысли. Въ смыслѣ поисковъ такой древнѣйшей оригинальной религіи у панвавилонистовъ есть любопытные предшественники въ XIX в. Я назову нѣсколько случайно выхваченныхъ именъ: Бахофена съ его Mutterrecht, идеализаціей вѣка преобладанія женщинъ; Макса Мюллера; Аѳанасьева, Воеводскаго съ ихъ теоріями поэтической миѳологіи природы. Всѣ они такъ или иначе говорятъ о какой-то художественно-красивой, богатой безконечными переливами системѣ пред-

ставленій, заполнявшей мысль и чувство, опредѣлявшей всѣ шаги жизни стариннаго человѣка. Винклеръ и его школа, сдѣлавши рядъ поразительныхъ открытій въ области Передней Азіи и особенно Евфратской долины, только связали эту упорную ученую мечту съ опредѣленнымъ мѣстомъ.

Будетъ, я думаю, ошибкой отозваться о теоріяхъ панвавилонистовъ и ихъ предшественниковъ, толкователей миѳологіи, какъ о проходящихъ капризахъ ученой фантазіи. Въ нихъ, мнѣ кажется, своеобразно выражается глубокая потребность общественнаго сознанія. Современный человѣкъ, хотя и работаетъ нервически, хоть и торопится жить, хоть и создалъ вокругъ себя механическій комфортъ, но въ то же время жаждетъ уйти отъ сутолоки, отъ раціонально-размѣреннаго быта, отъ одолѣвшихъ его вещей; онъ хочетъ проникнуть къ какимъ-то невѣдомымъ старымъ родникамъ, черпнуть первобытности, отыскать среди преходящаго, измѣнчиваго прочные вѣчные элементы. Онъ начинаетъ вѣрить, что разорванность современной жизни — результатъ своего рода грѣхопаденія, утраты божественной тайны, создававшей въ отдаленный, точно неопредѣлимый моментъ древности гармонію и красоту общественнаго строя. Такимъ образомъ слагается на высотѣ цивилизаціи, подъ впечатлѣніемъ ея непрочности, легенда о потерянномъ раѣ, и легенда эта претворяется въ ученыя теоріи, порождаетъ исканія изслѣдователей.

По основнымъ идеямъ, по внутреннимъ побужденіямъ близка къ панвавилонистамъ та необозримая масса изслѣдованій, которая вращается около вопроса о возникновеніи христіанства, имѣетъ своимъ предметомъ смѣшеніе религіозныхъ идей въ эпоху римской имперіи, такъ наз. синкретизмъ вѣрованій и понятій.

На первый взглядъ эта громадная работа какъ будто бы продолженіе дѣла раціоналистовъ XVIII и XIX вв., которые разоблачали христіанскую миѳологію и обрывали по лепесткамъ сложный цвѣтъ устарѣлой религіозной системы, вкоренившейся въ Европѣ. Но на самомъ дѣлѣ ученые историки, философы, богословы конца XIX и начала XX в. не похожи не только на Вольтера и Кондорсе, но даже на Штрауса и Ренана. Что особенно любопытно — не похожи какъ разъ представители самаго радикальнаго теченія, для котораго характерно отрицаніе исторической личности Іисуса и отнесеніе Евангелія во вторую половину II вѣка. Американецъ Бенжаменъ Смисъ, авторъ книгъ «Дохристіанскій Іисусъ» и «Ecce Deus» — пуританинъ. Голландецъ Ломанъ, уничтожившій легенду о личности и авторствѣ апостола Павла и доказавшій, что Посланія составляютъ произведеніе очень рефлектирующей, поздней, боровшейся съ гностиками богословской школы второй половины II вѣка — представитель мистическаго сектанства; свои ученые доклады Ломанъ читалъ на религіозныхъ съѣздахъ своихъ единовѣрцевъ. Древсъ, авторъ

«Евангельской миѳологіи» — протестантскій священникъ, мечтающій о новой возвышенной религіи, которая будетъ совершеннѣе христіанства.

Для всѣхъ ученыхъ критическаго направленія разоблаченіе традиціонныхъ легендъ давно перестало быть борьбой съ отсталымъ духовенствомъ, потому что этой величины вообще не существуетъ въ мірѣ просвѣщенія. У нихъ нѣтъ острой потребности разрушать и язвить несуразности стариннаго богословія. Имъ хочется не крушить сказки, а искать въ нихъ аллегоріи, скрывающей въ себѣ глубокія религіозныя чувства и влеченія. Они признаютъ, что въ религіозныхъ образованіяхъ первыхъ 3-хъ вѣковъ нашей эры главная доля принадлежитъ сознательному творчеству, скажемъ точнѣе и рѣзче, религіозному сочинительству, но они не враждебны этой реставраціонной работѣ. Голландцы, напр., опредѣленно видятъ въ богословахъ II вѣка, скрытыхъ подъ именами составителей каноническихъ книгъ Новаго Завѣта, своихъ единомышленниковъ, ученыхъ, работавшихъ по сходному съ ними методу.

Мнѣ очень хочется опредѣлить общій смыслъ, общее побужденіе, которое я чувствую во всѣхъ этихъ работахъ. Я только боюсь быть очень субъективнымъ, такъ какъ вѣдь приходится итти вмѣстѣ съ ними, двигаться среди самого теченія. Передъ нами изслѣдованія по религіозной философіи, выясненіе пріемовъ литературной и устной религіозной пропаганды, учено-популярныхъ бесѣдъ, интимной жизни религіозныхъ кружковъ и

сектъ, просвѣтительной политики правительства, проповѣди пророковъ, чудотворовъ и духовниковъ, и попытокъ представителей науки сберечь гибнущую культуру, сопротивляться неудержимо надвигающемуся варварству. Мнѣ кажется, что нашъ усиленный, почти болѣзненный, интересъ къ эпохѣ римской имперіи и оссбенно къ ея религіозной формѣ вызывается какимъ-то невполнѣ яснымъ, но настойчивымъ сознаніемъ сходства того момента съ нами переживаемымъ.

Мы чувствуемъ, что наша цивилизація, подобно греко-римско-іудейской, клонится къ кризису, дошла, послѣ блестящаго критицизма, послѣ лихорадочнаго напряженія дѣятельности, до упадка и безсилія, слышитъ все больше и больше неминуемое приближеніе варварства. Опять культурное человѣчество, переживши періодъ разрушенія, которое многіе благодушно зовутъ живительной революціей, ждетъ какой-то реставраціи, когда значительно уменьшенному составу образованныхъ людей придется спасать гибнущія духовныя цѣнности, приспособлять для дичающаго общества обрывки старой науки и искусства къ его сокращеннымъ потребностямъ.

Можетъ быть, ученые, устремляющіе свое вниманіе на эпоху упадка и послѣдующей реставраціи, болѣе или менѣе смутно чувствуютъ, что ихъ усилія бу́дутъ непохожи на тѣ, что приходилось дѣлать интеллигенціи первыхъ вѣковъ нашей эры, эпохи Сенеки и Плутарха, Адріана и Марка

Аврелія, Эпиктета, Юстина, Лукіана, Апулея, Тертулліана.

Вы видите, настроенія вѣка положили властную печать на историческія изслѣдованія. Въ результатѣ той постановки древней исторіи, которую она пріобрѣла въ послѣдніе полвѣка, предметъ историческаго интереса сталъ весьма непохожъ на то, чѣмъ интересовались въ эпоху второго Возрожденія, и на то, что изучалось въ классической гимназіи. Гомеровскіе греки, Аѳины и Спарта, патриціи и плебеи, пуническія войны, Сулла, Цезарь и Августъ оказались лишь краткимъ эпизодомъ въ громадной цѣпи развитія европейско-азіатскаго человѣчества.

Многое изъ жизни грековъ и римлянъ стало представляться въ другомъ видѣ, потому что раньше мы видѣли эту картину безъ рамы, внѣ окружающей обстановки. Напр., гомеровскіе греки уже не представляются больше примитивными, особенно послѣ того, какъ мы знаемъ Критъ, болѣе старое и блестящее, но также разбойничье государство. Они явно, подобно средневѣковымъ норманнамъ, пришельцы, овладѣвшіе чужимъ богатствомъ, водворившіеся на почвѣ старой культуры. Ихъ религіозное міровоззрѣніе далеко не первобытно, у нихъ замѣтна насмѣшка и скептицизмъ. Далѣе, греческая наука и философія V и IV в., которыя прежде считали оригинальнымъ твореніемъ греческаго генія, все больше и больше представляются намъ въ свѣтѣ заимствованій

съ востока, продолженія умственной работы египтянъ, вавилонянъ, иранцевъ, индусовъ.

О душевномъ равновѣсіи грековъ классической эпохи мы уже не рѣшаемся говорить. Въ ихъ жизни намъ скорѣе бросается нервическая поспѣшность, съ которой талантливый народъ изживаетъ свои данныя, слишкомъ скорое истощеніе и утомленіе, которое наступаетъ послѣ большой напряженности политической и умственной жизни. Греки, точно скороспѣлыя, черезчуръ развитыя дѣти, скоро перепробовали разныя формы жизни и мысли, ни одну не имѣли терпѣнія довести до конца, ни на одной прочно не останавливались, все быстро принимались разбирать и подвергать сомнѣнію, ко всему быстро охладѣвали.

Что касается римлянъ, и тутъ прежде всего научная критика заставила насъ отказаться отъ изображенія борьбы патриціевъ и плебеевъ, на которыхъ раньше сосредоточивали вниманіе учащихся, чтобы воспитать ихъ на зрѣлищѣ выработки правового сознанія. Теперь мы видимъ, что вся сложная, искусно написанная картина есть политико-историческій романъ, созданный публицистами конца республики. Все, что намъ разсказываютъ Ливій и Діонисій о старинѣ, характерно для учено-литературныхъ вкусовъ эпохи Цезаря, Цицерона и Августа. Между прочимъ, Діонисій Галикарнасскій очень интересенъ, какъ прозаическій историкъ-матеріалистъ, который на всѣ политическія и соціальныя явленія смотритъ съ точки зрѣнія борьбы классовъ. Современные

марксисты были бы очень счастливы, если бы у нихъ оказался такой послѣдовательный истолкователь ихъ воззрѣній, но историка, подобнаго Діонисію, у нихъ не имѣется.

Въ жизни римлянъ мы не видимъ болѣе той рѣзкой и упрямой оригинальности, которую прежде отмѣчали особенно въ римскомъ правѣ. Съ устраненіемъ легенды о патриціяхъ и плебеяхъ, утратилось вообще представленіе о крѣпко сложенной сурово-добродѣтельной республикѣ, гдѣ сознательный народъ, отстаивая свое право, въ то же время разумно подчиняется отбору лучшихъ гражданъ, собирающихся въ сенатѣ, гдѣ долго не было мѣста ни произволу личности, ни безпокойнымъ позывамъ толпы.

Римъ уже съ самыхъ первыхъ, завѣренныхъ документально, выступленій, т. е. съ пуническихъ войнъ, полонъ соціальныхъ столкновеній. Во внѣшнюю войну, въ оборону противъ страшнаго Ганнибала вплетается борьба за землю между крестьянствомъ и аристократіей: при Тразименскомъ озерѣ, подъ ударами галловъ, приведенныхъ геніальнымъ карѳагенскимъ вождемъ, погибъ Фламиній, предшественникъ Гракховъ, врагъ крупныхъ землевладѣльцевъ и откупщиковъ, открывшій народу богатыя плодородныя земли сѣверной Италіи. Поэтому, гражданскія войны не кажутся уже намъ явленіемъ какой-то особой порчи конца римской республики. Съ другой стороны, намъ становится сомнительна и приписывавшаяся стариннымъ римлянамъ вѣрность

республиканской конституціи, несокрушимая ихъ лояльность и разумное послушаніе. Въ лицѣ Сципіоновъ и Аппіевъ Клавдіевъ мы видимъ рано появляющійся наклонъ къ популярной диктатурѣ, выступленіе такихъ всесильныхъ командировъ, которые не желаютъ считаться съ интересами остальной аристократіи, готовы вести завоеванія на свой страхъ и рискъ, пытаются создать себѣ личную державу.

Римское общество очень рано поддается постороннимъ вліяніямъ, особенно религіознымъ, утрачиваетъ свою національную физіономію. Римъ уже за 150-100 лѣтъ до Р. Х. есть вмѣстилище культовъ со всего свѣта, поле пропаганды, особенно для восточныхъ религій, которымъ Италія поддается гораздо больше, чѣмъ Греція, несмотря на большую географическую отдаленность. — Что касается римскаго права, то въ его удивительной систематичности и глубинѣ теперь видятъ не столько выраженіе юридическаго генія римскаго права, сколько воспитательное воздѣйствіе греческой философіи. Конечно, оттуда идетъ идея jus naturale, естественнаго права. Римскіе юристы выросли не на почвѣ бурной соціальной исторіи республики, а въ спокойной атмосферѣ просвѣщеннаго абсолютизма, сумѣвшаго организовать, при помощи великолѣпныхъ педагогическихъ пріемовъ, данныхъ греками, высшую юридическую школу въ Римѣ.

Какіе результаты мы получаемъ для преподаванія отъ новыхъ открытій, отъ новыхъ сближе-

ній, отъ поправокъ, внесенныхъ критикой? Въ цѣломъ, я думаю, значеніе древней исторіи въ преподаваніи чрезвычайно возросло, благодаря необычайному углубленію перспективы. Старинные вѣка производятъ впечатлѣніе вѣчности по сравненію съ ничтожнымъ по времени періодомъ культуры новѣйшей Европы и Америки. Но тутъ не одно только хронологическое сравненіе протяженности и мимолетности, не одна только формальная разница. Когда мы сравнимъ по существу неолитическую культуру съ нашей, мы чувствуемъ, что превосходимъ ее техникой, но далеко ей уступаемъ въ знаніи природы, въ усвоеніи ея тайнъ. Вѣдь человѣчество существуетъ и множится все-таки благодаря земледѣлію и скотоводству, а не благодаря электрическимъ и паровымъ машинамъ; изобрѣтенія каменнаго вѣка несравнимы по силѣ и жизненной важности съ остроумнѣйшими созданіями химико-физическаго генія новаго времени.

Расширенная и углубленная древняя исторія даетъ еще другой матеріалъ для выводовъ философіи человѣческаго общества. Мы убѣждаемся, что всѣ наши переживанія составляютъ повтореніе того, что много разъ бывало, что знакомыя намъ душевныя бури, порывы фантазіи, запросы мысли и наблюденія надъ міромъ, подобныя нашимъ, составляли содержаніе жизни далекихъ поколѣній въ разныхъ широтахъ, въ разныя эпохи. Мы невольно проникаемся почтеніемъ къ тому, что можно назвать постояннымъ

элементомъ въ природѣ человѣка и въ строеніи человѣческаго общежитія. Мы отвыкаемъ отъ предразсудка видѣть въ сцѣпленіяхъ даннаго момента нѣчто единственное въ своемъ родѣ и превосходящее своей цѣнностью все, что раньше переживалось людьми.

Теперь, въ заключеніе, позвольте поставить вопросъ болѣе частнаго характера. Какое значеніе можетъ имѣть въ нашемъ пересмотрѣ опыта старины, нашемъ преподаваніи и воспитаніи — изученіе античности въ тѣсномъ смыслѣ слова, изученіе греко-римскаго міра? Не потеряла ли эпоха въ своемъ значеніи для насъ, разъ признать тотъ фактъ, что этотъ міръ далеко не заполняетъ для насъ древней исторіи, и разъ согласиться, что мы уже не можемъ болѣе смотрѣть на грековъ и римлянъ, какъ на своихъ единственныхъ учителей?

Говоря относительно, классическій міръ, разумѣется, уже не можетъ сохранить то мѣсто въ нашемъ преподаваніи, какое занималъ до сихъ поръ. Мы не можемъ трактовать Востокъ въ видѣ только экзотическаго добавленія къ Греціи, а то, что Гомеру предшествуетъ, въ видѣ доисторической первобытности. Но въ абсолютномъ смыслѣ, если такъ можно выразиться, классическій міръ ничего не потерялъ въ нашихъ глазахъ, хотя намъ придется сдѣлать много поправокъ и хотя придется сдѣлать нѣкоторыя перестановки, напр. больше вникнуть въ культуру александрійской эпохи, больше отдать вниманія первымъ двумъ вѣкамъ нашей эры, времени греко-римско-іудей-

скаго просвѣщеннаго абсолютизма, іудейской революціи и послѣдующей религіозной реставраціи, которую мы называемъ началомъ христіанства.

Какое у меня основаніе по прежнему ставить такъ высоко знакомство съ греко-римскимъ міромъ? — То, что я скажу, прошу принять, какъ субъективное мнѣніе человѣка, прошедшаго классическую школу и, можетъ быть, способнаго преувеличивать впечатлѣнія своего дѣтства и юности.

Изъ всего моего школьнаго времени у меня нѣтъ болѣе яркаго воспоминанія, какъ уроки исторіи въ IV классѣ, когда мы мальчиками отъ 12 до 14 лѣтъ проходили судьбы Греціи и Рима. Учитель нашъ не былъ талантливъ, мало разсказывалъ, но отличался требовательностью и вникалъ любовно во всѣ детали; учебникъ у насъ былъ старшій Иловайскій — замѣчу кстати, по Греціи и Риму для того времени вовсе не плохая книжка. Мы всѣ хорошо знали Солона и Клисѳена, греко-персидскія войны, Перикла, греческій театръ, столкновенія Аѳинъ и Спарты, трагическую гибель аѳинской державы, жизнь Сократа и его учениковъ, героическую борьбу послѣдняго республиканца Демосѳена съ македонской деспотіей, даже спартанскихъ царей-демагоговъ, Агиса и Клеомена. Мы гордились другъ передъ другомъ нашими знаніями, ревниво выслѣживали другъ у друга пробѣлы. Всѣ получили характерныя прозвища изъ древней исторіи:

былъ Крезъ, былъ Аристидъ, былъ почему-то Фарнакъ, измѣнившій отцу Митридату.

Я только гораздо позже понялъ это явленіе. Дѣло не только въ живомъ воображеніи мальчиковъ этого возраста, въ томъ, что они необычайно горячо переживаютъ героическіе моменты исторіи. Отчего же потомъ никакіе крестовые походы, Кромвель, Наполеонъ не оказали на насъ такого эффекта, какъ Ѳемистоклъ, Алкивіадъ, Сулла, Цезарь? Откуда это необыкновенное обаяніе греческой и римской исторіи?

Не знаю, согласитесь ли вы со мной въ объясненіи этого секрета, но для меня истолкованіе его понятно. Захватывающій драматическій интересъ событій, простота и величіе дѣйствующихъ лицъ греческой и римской исторіи созданы удивительными художниками мысли и слова, которые намъ эту исторію передали. Черезъ ихъ посредство мы проникаемъ въ этотъ міръ. Пусть половина красоты, въ какой онъ намъ представляется, принадлежитъ не реальной дѣйствительности, а литературному изобрѣтенію, драматической и эпической фантазіи, дѣло не въ этомъ. Вѣдь въ извѣстномъ смыслѣ вся историческая реальность и заключена въ ея изобрѣтеніи, въ человѣческихъ представленіяхъ, насколько художники и поэты сумѣли ихъ закрѣпить и передать... Для безграмотнаго, для непомнящаго родства никакой исторіи не существуетъ, потому что

онъ не знаетъ ея воплощенія въ литературѣ и не способенъ войти въ этотъ волшебный міръ.

Въ этомъ-то именно отношеніи античный классическій вѣкъ блистаетъ надъ всѣми временами. Такихъ мастеровъ слова, какъ Гомеръ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Платонъ, Плутархъ, Цезарь, Тацитъ, Лукіанъ, не знаетъ ни одна эпоха.

Скажите мнѣ, почему Пелопонесская война захватываетъ болѣе всѣхъ войнъ? — Потому что о ней разсказываетъ Ѳукидидъ, величайшій писатель, какого знаетъ историческая литература, самъ воинъ и патріотъ, безпристрастный наблюдатель, тонкій психологъ, глубокій философъ, драматургъ по своей манерѣ, наконецъ стилистъ первоклассный, изобрѣтатель особаго, единственнаго въ своемъ родѣ, языка характеристикъ, чеканенныхъ антитезъ дивнаго краснорѣчія.

Знаете ли вы, почему насъ такъ занимаютъ братья Гракхи, которые кажутся намъ идеаломъ безкорыстныхъ и героическихъ борцовъ за права народа? — Да вѣдь этотъ образъ цѣликомъ созданіе двухъ небольшихъ біографій Плутарха, подкрѣпленныхъ параллелью спартанскихъ царей демагоговъ, Агиса и Клеомена; больше мы о Гракхахъ ничего не знаемъ.

Почему мы такъ горячо относимся къ судьбѣ Сократа, о которомъ документально совсѣмъ ничего не извѣстно? — Опять таки личность и дѣло Сократа — не что иное, какъ твореніе защищавшихъ его память двухъ учениковъ, Ксенофонта и Платона.

Значитъ, скажутъ намъ, все держится только на литературѣ? Дайте намъ хорошіе переводы и предоставьте самое античность забвенію! Я отвѣчу: а вы только вчитайтесь въ этихъ писателей, и васъ потянетъ въ изображенный ими міръ; вамъ захочется жить среди его образовъ, знать о дѣйствующихъ въ немъ личностяхъ всѣ детали. Вамъ захочется слушать безъ конца разсказы о немъ, такъ же какъ дѣти слушаютъ съ замираніемъ сердца знакомыя и дорогія имъ сказки.

Я бы считалъ возможнымъ къ античной литературѣ, въ качествѣ эпиграфа, поставить слова Θукидида, который говоритъ въ введеніи къ своему труду, что пишетъ «не для мимолетнаго услажденія слуха, а для того, чтобы создать вѣчное достояніе будущимъ поколѣніямъ». Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ разорванный, потерявшій свой обликъ, не имѣющій своего стиля, пресыщенный и безплодный, хочется прильнуть къ этому источнику чистой воды и пить его прозрачную цѣлительную влагу въ надеждѣ опять добыть себѣ потерянное здоровье.

ЦЕХЪ УМСТВЕННАГО ТРУДА И ЧАСТНАЯ ШКОЛА

Прежде про насъ, дѣятелей умственнаго труда, говаривали съ оттѣнкомъ пренебреженія: «ученый цехъ». Этимъ словечкомъ старались уколоть туповатое себялюбіе недалекихъ профессіоналовъ, узость кругозора и мелочность понятій теоретиковъ, оторванныхъ отъ жизни.

Заслуживали мы эти упреки или нѣтъ, вопросъ особый. Мнѣ интересно вамъ сейчасъ напомнить характерное для времени выраженіе. Мы такъ далеко отошли отъ взглядовъ той поры, когда это выраженіе примѣнялось, что теперь намъ едва понятна заключенная въ немъ обида. Напротивъ, мы готовы досадовать: «какъ жаль, что мы не цехъ! Отчего бы намъ не сплотиться въ цехъ, чтобы отстаивать свои права, чтобы быть силой, какъ и подобаетъ хранителямъ культуры»!

На одной этой перемѣнѣ понятій видно, что старый міръ, въ которомъ мы выросли, отошелъ въ вѣчность. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь еще совсѣмъ

недавно, сознавая себя на высотѣ блестящей цивилизаціи, мы считали цехи грубой формой варварскаго средневѣковья. Но въ сущности намъ не приходилось вдумываться въ смыслъ старинныхъ учрежденій, потому что мы судили по остаткамъ цеховъ въ современности, жалкимъ, съежившимся передъ новѣйшимъ государствомъ. Мы знали въ дѣйствительности цехи замороженные и приспособленные государствомъ для своихъ нуждъ. Мы видѣли передъ собою бюрократическія отдѣленія, нѣчто въ родѣ костылей для захирѣвшихъ ремесленниковъ. Поскольку ученые были сведены на роль консультантовъ, они дѣйствительно напоминали собой такой именно упадочный цехъ, обезвреженный и одѣтый въ канцелярскія формы.

Надо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что весь громадный, сложный административный аппаратъ, созданный въ XIX в., съ его безчисленными приводами и колесами, не существуетъ болѣе. Нѣтъ больше на лицо могущественнаго всепоглощающаго государства. Приказъ и распоряженія высшей власти, правда, воспроизводятъ мимику и жестикуляцію стараго правительства, но и только. Можетъ быть, по старой памяти правители еще нѣкоторое время будутъ выступать въ роли всезнающаго Провидѣнія или чудотворныхъ политехниковъ; можетъ быть, еще будутъ воображать себя волшебными дирижерами, которые способны, во мгновеніе ока, охватить любую партитуру и заразъ направлять тысячи раз-

нообразныхъ оркестровъ. Но вѣдь это уже чистѣйшій самообманъ У государства нѣтъ больше ни финансовъ, ни запасовъ, ни техническихъ средствъ, ни кадра обученныхъ исполнителей, наконецъ, нѣтъ самаго главнаго — нѣтъ авторитета.

Для искусства, науки, ремесла, школы смыслъ этого великаго факта заключается въ томъ, что никакихъ покровителей и опекуновъ культурной работы не существуетъ; не имѣется никакихъ избыточныхъ средствъ для поправки разстроенныхъ культурныхъ учрежденій; неоткуда ждать возродителей и благожелательныхъ помощниковъ. Техническія профессіи, общественныя искусства и мастерства предоставлены самимъ себѣ. Да, мы откинуты въ глубину Средневѣковья, и это не только метафора.

Намъ приходится вспоминать объ этой эпохѣ не только потому, что мы силою вещей повергнуты въ хаотичность и первобытныя условія жизни, которыя были ей присущи. Нѣтъ, еще потому, что Средневѣковье даетъ примѣръ поразительныхъ по цѣпкости и упорной энергіи общественныхъ учрежденій. Вѣдь это было время, когда мастера, ученые, художники, юристы, врачи, проповѣдники изучали технику своего дѣла, хранили свои умѣнья, накопляли новыя знанія, изобрѣтали новые методы — исключительно силами корпоративнаго устройства. Каждая группа, каждый цехъ самъ оберегалъ свою долю культурнаго достоянія, заботился о

самопополненіи, о сохраненіи своихъ преданій и своихъ талантовъ, обходясь собственными средствами, безъ посторонней помощи, безъ чужой указки, но и безъ чужого вмѣшательства. Цехъ представлялъ тѣсное товарищество, которое страховало сочленовъ отъ бѣдности и старости; цехъ былъ духовнымъ братствомъ, которое скрѣпляло мастеровъ въ одну религіозную семью. У цеха несомнѣнно были свои недостатки, присущіе всякой дружинѣ: онъ связывалъ сочленовъ своими правилами, не давалъ большого простора отдѣльнымъ личностямъ. Но зато онъ удивительно помогалъ сберегать жизнь профессіональнаго рода.

Вотъ объ этихъ-то цехахъ, образчикахъ безконечной живучести и изворотливости, героической, отчаянной самозащиты, мнѣ и хочется вамъ напомнить.

Поэтому не удивляйтесь, что приходится обращаться мыслью къ Средневѣковью и тамъ искать поученія. Тогда, при слабости и бездѣйствіи государства, культуру строили, накопляли и берегли союзы частныхъ лицъ. Они-то въ сущности и приготовили намъ ту европейскую цивилизацію, которую, въ нервической поспѣшности и непомѣрной жадности господства, растратили неистовые индустріалы и имперіалисты XIX и XX вв. Теперь, съ разрушеніемъ государственной громады, остается одна надежда — опять на союзы частныхъ лицъ, на возникновеніе корпорацій и цеховъ, подобныхъ средневѣковымъ,

на усилія самихъ организованныхъ мастеровъ, которые помогутъ спасти гибнущую культуру.

А если кому надо по преимуществу сплотиться въ тѣсную профессіональную корпорацію, такъ именно хранителямъ культурныхъ традицій, ученымъ, преподавателямъ, изобрѣтателямъ, распространителямъ науки.

Легко сказать однако — «организуемся въ цехъ умственнаго труда!» Вѣдь въ отсутствіи такой организаціи и заключался главный нашъ грѣхъ въ прошломъ. Какъ разъ мы-то и были оторваны отъ жизни, раздроблены, распылены. Мы знали только взаимную конкурренцію и никогда не думали о взаимной поддержкѣ. Мы привыкли въ ученыхъ одной съ нами спеціальности видѣть прежде всего соперниковъ, а часто и враговъ. Къ тому же мы были расколоты на два политическіе лагеря, правыхъ и лѣвыхъ.

Мнѣ нечего напоминать вамъ, до какой степени университетскіе круги, поглощенные политикой, были отвлечены ею отъ защиты своего права. Когда въ 1905 г. возникъ академическій союзъ, въ немъ лишь отразилась безпомощность ученой среды. Вмѣсто того, чтобы поставить на очередь интересы университетскихъ преподавателей, какъ цѣлаго, какъ корпораціи, союзъ образовалъ мимолетный политическій клубъ и растворился въ общей оппозиціи. Онъ точно собралъ силы только для того, чтобы немедленно вслѣдъ за тѣмъ ихъ растратить.

А въ общей политикѣ этого времени господствовала забота о правахъ неопредѣленнаго универсальнаго характера, въ родѣ всеобщаго избирательнаго права, равнаго надѣленія всѣхъ землей, равнаго для всѣхъ рабочаго дня. Среди этой суеты, порываній къ далекому и чужому, постоянной приподнятости и сплошныхъ рѣшеній міровыхъ вопросовъ, мы забыли думать о ближайшемъ, о своемъ собственномъ положеніи. Въ то время, какъ въ воздухѣ гремѣли декларації правъ человѣка и гражданина, въ насъ самихъ правовое сознаніе молчало, мы потеряли уваженіе къ себѣ, къ своему званію и великому жизненному назначенію.

Выросши въ теплицѣ, не обладая правами личности и правами корпораціи, мы ринулись въ борьбу за права народа, за парламентарный строй, за Учредительное Собраніе. Мы попробовали безъ фундамента выводить величественное зданіе; очень понятно, что оно быстро рухнуло, какъ настоящій карточный домикъ.

Сейчасъ мы переживаемъ тяжелыя послѣдствія нашихъ заблужденій, нашей разрозненности. Насъ нѣтъ на лицо, въ качествѣ дѣятельной силы, когда нашъ голосъ, наши знанія крайне нужны для исцѣленія общества отъ разъѣдающей его злобы и розни. На нашихъ глазахъ сражаются, подъ знаменами капитализма и пролетаріата, двѣ ожесточенныя, слѣпыя догматическія секты, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности не права и каждая въ отдѣльности безсильна

творить жизнь. Мы ясно видимъ нелѣпость и преступность борьбы классовъ. Мы понимаемъ, что капиталъ и трудъ должны быть не въ схваткѣ другъ съ другомъ, а въ тѣсномъ взаимодѣйствіи, какъ органы одного и того же общественнаго и національнаго цѣлаго. Но мы ничего не можемъ сдѣлать для ихъ примиренія, потому что неорганизованы сами.

Мы оказались неподготовленными, чтобы встрѣтить и другую великую бѣду, разразившуюся надъ современнымъ обществомъ, чтобы сопротивляться тому опустошенію душъ, тому уравненію въ невѣжествѣ, во всеобщемъ неумѣньѣ, которое принесла новѣйшая реформа соціальнаго устройства.

Отчего наша страна стала по преимуществу полемъ этого жестокаго опыта надъ человѣчествомъ? Вы помните ветхозавѣтный разсказъ о вавилонскомъ столпотвореніи? Фантастическая идея выстроить всѣмъ народомъ башню, которая бы достигла неба, угрожала самому престолу Господню, тамъ, въ Библіи, приписана, не безъ иронiи, обитателямъ равнины и низины. Также потомъ будутъ разсказывать и про нашу современность. Разскажутъ, что строители новѣйшей вавилонской башни воображали себя въ непосредственной борьбѣ съ самимъ Богомъ; разскажутъ, что ихъ фантасмагорія удалась на славу въ странѣ, которая и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ образуетъ ровную, ровную низину.

Именно потому, что въ нашемъ обществѣ необычайно слабо развита была жизнь союзовъ, сектъ, независимыхъ кружковъ, товарищескихъ и дружескихъ соединеній, — столпотворители съ такой поразительной быстротой и легкостью разъединили насъ окончательно и отрѣзали отъ всего остального міра. Вѣдь нѣтъ на свѣтѣ народа, который бы въ такой мѣрѣ, какъ мы въ Россіи, потерялъ всякое чутье и уваженіе къ самобытнымъ группировкамъ, къ оригинальнымъ особенностямъ мѣста и племени, къ своеобразностямъ быта, профессій и религій.

Теперь сама бѣда насъ учитъ. Разъ общество откинуто въ первобытное состояніе, загнано въ дремучій, бездорожный лѣсъ дикарства, надо опять начинать съ разработки полянокъ и полосокъ. Надо всѣмъ, кто трудится надъ возстановленіемъ культуры, строить то, чего намъ не хватало, скрѣплять и беречь свои мелкія и мельчайшія соединенія и товарищества.

Когда я думаю о цехѣ умственнаго труда, я представляю себѣ сближеніе разнообразныхъ союзовъ — союзовъ преподавателей, ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, юристовъ, врачей, инженеровъ, агрономовъ, горнодѣловъ. Насъ спросятъ, однако, развѣ у этихъ союзовъ, столь различныхъ по своей спеціальности, будутъ общія черты, будетъ взаимное тяготѣніе? Насъ спросятъ: къ какому же изъ существующихъ классовъ отойдетъ интеллектуальная группа?

Въ силу теоріи, нынѣ оффиціально господствующей, интеллигенція не имѣетъ особаго мѣста въ строеніи классовъ: до сихъ поръ интеллигенція служила капиталистамъ, теперь должна служить рабочимъ. Сторонники этой теоріи только презрительно пожмутъ плечами по поводу самого выраженія «цехъ умственнаго труда»; въ лучшемъ случаѣ они готовы будутъ признать въ немъ ласкающую слухъ, утѣшительную для насъ фразу, въ родѣ именованія насъ «солью земли», которое, впрочемъ, какъ я вижу, не даетъ имъ спать спокойно.

Но я долженъ замѣтить, что считаю соціологическую теорію марксизма, которая видитъ въ общественномъ строеніи только экономическіе классы, въ современности находитъ лишь два класса, а въ близкомъ будущемъ ожидаетъ слія-нія всѣхъ общественныхъ группъ въ одинъ классъ, — близорукой и непригодной для соціальнаго анализа. Теорія эта — остатокъ устарѣлой романтики 1848 г. — Она появилась впервые въ блестящемъ памфлетѣ, который, въ родѣ зажигательнаго факела, бросили Марксъ и Энгельсъ въ схватку гражданской войны, и который ихъ послѣдователи объявили Евангеліемъ для будущихъ поколѣній. Самимъ Марксомъ въ духѣ теоріи были использованы лишь факты новѣйшей исторіи Англіи. Но со времени выхода перваго тома «Капитала» Маркса, гдѣ было дано историческое примѣненіе теоріи, т. е. за 50 слишкомъ лѣтъ, ученики Маркса ничего не сдѣлали

для разработки его метода, ничего больше не наблюдали, ничему не научились.

Строеніе общества вообще несравненно сложнѣе, чѣмъ оно представляется крайне упрощенному міровоззрѣнію марксистовъ. Они не хотятъ видѣть, что общественныя группы различаются между собою не одними интересами пищи, одежды и квартиры, не одними способами и размѣрами заработка, но также бытовыми привычками, наслѣдственными вкусами, вкоренившимися и передающимися изъ рода въ родъ характерами; — что есть, кромѣ совпаденія въ размѣрахъ заработной платы, еще глубокія тяготѣнія и привязанности къ товарищамъ по занятію; что кромѣ расчета у человѣка есть еще порывы фантазіи. — Совершенно вѣрно, что въ новѣйшее время старыя общественныя группы, старыя сословія раздробились, какъ никогда, что всюду на всѣхъ ступеняхъ происходитъ деклассированіе, т. е. люди сбиваются со своего унаслѣдованнаго положенія и званія. Но это не значитъ, чтобы въ результатѣ жизнь приготовляла какую-то однообразную массу.

Появляются новыя группировки, и какъ разъ интеллигенція, которая составляется изъ наиболѣе даровитыхъ и трудоспособныхъ элементовъ всѣхъ классовъ, представляетъ слой наиболѣе счастливый по своей формаціи. Она не служитъ никакому классу, ни въ какомъ классѣ не растворяется и образуетъ свою особую общественную группу со своими законами жизни, со своей осо-

бой рабочей функціей, въ которой никто ее замѣнить не можетъ.

Различныя сословныя части интеллигенціи, при всемъ разнообразіи и расхожденіи спеціальностей, образуютъ одно духовное цѣлое. Вы спросите: что же сближаетъ языковѣда, историка искусства, химика, инженера, астронома и врача? — Ихъ сближаетъ не одна формальная методическая сторона ремесла, не только общая судьба, заставляющая ихъ всѣхъ проходить систематическую школу, не только выработка у нихъ уваженія къ знанію, привычки къ основательному изслѣдованію. Нѣтъ, еще нѣчто гораздо большее и высшее.

Само существованіе каждой изъ спеціальностей умственнаго труда, въ которыхъ всегда неразрывно связаны наука и искусство, предполагаетъ мысль о цѣломъ, о благѣ народа, государства, человѣчества. Эта мысль и есть то, что питаетъ интересъ ученаго, техника, всякаго мастера высшей профессіи къ своему дѣлу. По мѣрѣ того, какъ подвигается у него спеціальная выработка научно-художественнаго умѣнія, эта мысль не слабѣетъ, а крѣпнетъ, такъ какъ все больше и больше чувствуетъ ученый, художникъ и техникъ связь своего мастерства съ цѣлымъ культурной жизни.

Вслѣдствіе этого у людей умственнаго труда болѣе, чѣмъ у какого либо другого общественнаго слоя, вырабатывается ясное пониманіе великихъ

національныхъ цѣлей и устремленій. А въ критическіе моменты общаго разброда, когда во всѣхъ слояхъ общества это сознаніе ослабѣваетъ, интеллигенція остается единственнымъ очагомъ вѣры въ возрожденіе народа. Кто въ тяжелые годы раздробленія Италіи сберегъ и возростилъ идею единства великой традиціями страны, идею итальянскаго отечества? — Это сдѣлали съѣзды ученыхъ агрономовъ, инженеровъ, историковъ, географовъ. Они словно составляли душу націи, прежде чѣмъ она смогла облечься въ матеріальное тѣло.

Тѣ же задачи, какъ я вѣрю, предстоятъ и русской интеллигенціи. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, она обладаетъ качествами неоцѣнимыми. Позвольте мнѣ думать и утверждать, что мы, люди умственнаго труда, стоимъ въ переднихъ рядахъ рабочихъ группъ по своей работоспособности, методичности, добросовѣстности. Среди общаго распаденія когда-то существовавшихъ техническихъ отраслей, мы все еще работаемъ, еще сохраняемъ наши привычки и преданія. Мы глубоко проникнуты убѣжденіемъ: «кому много дано, съ того много и взыщется». Мы болѣе всего могли бы своимъ примѣромъ, руководствомъ помочь обширнымъ слоямъ рабочаго класса выйти изъ тяжелаго нравственнаго кризиса, который онъ переживаетъ.

Нашей первой заботой должно быть сохраненіе рода и званія нашего, навыковъ и традицій нашихъ. Центральный вопросъ въ этой суммѣ

нашихъ жизненныхъ усилій — вопросъ о возстановленіи разрушенной высшей школы.

Въ крайней трудности, въ своеобразной новизнѣ нашего положенія есть хорошая сторона. Сейчасъ на свободѣ мы можемъ взглянуть на пережитое въ недавнемъ прошломъ, какъ на опытъ, указаніями котораго надо воспользоваться. И вотъ прежде всего мы убѣждаемся въ томъ, что нынѣшнее разрушеніе и варварство имѣетъ свои корни въ прошломъ, что оно —лишь логически законченный итогъ того непрерывнаго подрываніе университетской жизни, которое можно наблюдать съ конца XIX в.

Начался натискъ на университетъ съ благожелательной критики и просвѣтительнаго энтузіазма. Сторонники реформы руководились неуловимо-туманными идеями народничества. По ихъ мнѣнію, — всѣ просвѣтительныя учрежденія должны служить широкимъ слоямъ народа. Наука не смѣетъ замыкаться отъ жизни; насажденіе духовныхъ цѣнностей необходимо немедленно перенести изъ привилегированныхъ оранжерей на необъятныя нивы народной жизни.

Народническая романтика нашего общества находила себѣ поддержку въ программѣ такъ наз. «расширенія университета», которою увлекалась въ 80-хъ и 90-хъ гг. XIX в. англійская филантропія. Въ примѣненіи къ русскимъ условіямъ находили, что, помимо вечернихъ чтеній для разнообразной публики, помимо странствованія лекторовъ по провинціи, необходимо также

измѣнить старое государственное учрежденіе, университетъ, открывши къ нему доступъ способнымъ, молодымъ людямъ всѣхъ среднеучебныхъ заведеній, а главное сломивъ монополію классической гимназіи.

Порядки университета находили вообще слишкомъ закоснѣвшими, угловато-замкнутыми, не отвѣчающими запросамъ жизни. Дѣленіе на факультеты, начинающееся съ перваго курса, запрятываетъ молодого человѣка въ тѣсную спеціальность, не давши ему осмотрѣться, выбрать себѣ сознательно научную отрасль, запастись общими знаніями, или, какъ тогда выражались, выработать себѣ міровоззрѣніе. Подъ впечатлѣніемъ этой критики возникъ знаменитый проектъ зоолога Вагнера, предлагавшаго устроить предварительный двухлѣтній общій университетъ, гдѣ бы юноши 18—20 лѣтъ, прежде, чѣмъ разойтись по факультетамъ, могли познакомиться съ принципами всѣхъ наукъ, сравнить ихъ для себя, на досугѣ сдѣлать выборъ, а въ то же время на всю жизнь заручиться общими свѣдѣніями въ разныхъ научныхъ областяхъ.

Страннымъ образомъ, упреки, сыпавшіеся на ученыхъ въ томъ, что они чрезмѣрно отгораживаются отъ жизни, запросы на безконечную популяризацію, на сокращенную неутомительную науку, развивающую умы, совмѣщались съ обвиненіями противоположнаго характера. Насъ упрекали въ томъ, что мы злоупотребляемъ лек-

ціонной системой, что вообще эта форма преподаванія устарѣла, что она вредна, какъ пассивный способъ усвоенія готовыхъ данныхъ, не дающій навыковъ самостоятельности; вѣдь лекціи не могутъ все равно замѣнить книги въ качествѣ пособій; онѣ должны уступить мѣсто работѣ студентовъ въ семинаріяхъ, лабораторіяхъ, институтахъ изслѣдованій.

Намъ, ученымъ-преподавателямъ, было весьма забавно слышать такія обвиненія, тѣмъ болѣе, что широкая публика отъ насъ только и узнала, что въ университетѣ есть семинаріи, рефераты и пренія, что существуетъ усиленное привлеченіе студентовъ къ самостоятельной работѣ. Но уже если хотѣть, чтобы мы могли развивать эти, нами же заведенныя, новыя формы преподаванія, то какъ разъ не слѣдовало навязывать намъ программу расширенія университета, которая грозила превратить высшую школу въ театръ публичныхъ лекцій. Я помню очень хорошо, какъ невыгодно отзывалось на ходѣ преподаванія присосѣживаніе неподходящихъ студентовъ. Хотя и плоха была, вообще говоря, классическая гимназія, она все же давала наилучше подготовленный составъ; уже семинаристы были гораздо хуже, но мы чувствовали, какъ изъ за нихъ понижается уровень занятій; еще менѣе удовлетворяли окончившіе военно-учебныя заведенія.

Однако, нарастающая уравнительная волна, несомая политическимъ движеніемъ, брала свое, и старый нашъ университетъ таялъ и растворял-

ся среди потока, которому давали благозвучное названіе демократизаціи науки. Въ Москвѣ событія политическія совпали съ архитектурными. Большая забастовка учащихся, длившаяся полтора года отъ декабря 1904 г. до мая 1906 г., пришлась на время перестройки новаго корпуса университета. Когда мы опять собрались учиться, то оказалось, что вмѣсто нашихъ тѣсныхъ аудиторій, изъ которыхъ самая большая имѣла 200 мѣстъ, мы располагаемъ цѣлымъ десяткомъ амфитеатровъ, вмѣщающихъ отъ 300 до 900 сидѣній. Архитекторъ былъ явно подъ вліяніемъ идеи расширеннаго университета: онъ предполагалъ, что всѣ слои общества наводнятъ зданіе, и что всѣ профессора будутъ читать публичныя лекціи... Изъ аудиторій исчезли старыя парты и конторки, и въ то время, какъ захожіе люди съ улицы могли съ удобствомъ расположиться на полчасика, чтобы поглазѣть на лектора, студенту не оставили даже мѣста, гдѣ бы онъ могъ приладить тетрадку для записыванія.

Характерно, что мы въ нашемъ новомъ палаццо совсѣмъ не знали, куда пріютиться для семинарской работы. Въ громадномъ великолѣпномъ вестибюлѣ стоялъ неумолчный шумъ отъ торговли брошюрами, отъ предвыборной агитаціи; этотъ шумъ проникалъ и въ аудиторіи, и по временамъ лектору приходилось перекрикивать посторонніе звуки, а слушателямъ напрягать свой слухъ и вниманіе, которое невольно двоилось между аудиторіей и кулуарами.

Въ самихъ лекціонныхъ залахъ было непокойно: съ расширеніемъ университета мы увидали явленіе, незнакомое прежнему времени: слушатели непрерывно входили и выходили во время лекцій. Долженъ признаться, что хотя я читалъ въ такой обстановкѣ болѣе десятка лѣтъ, я не привыкъ къ этому явленію, и всякій выходъ изъ аудиторіи, выходъ какой-нибудь бродячей фигуры ощущалъ какъ обиду, хотя зналъ, что это ушелъ не мой слушатель, а случайный прохожій; — чувствовалъ обиду не себѣ лично наносимую, а нашему дѣлу. Я никогда не могъ понять, почему соблюдаютъ больше элементарнаго приличія въ театрѣ, въ концертѣ, гдѣ не принято выходить во время исполненія и гдѣ даже скучающіе дожидаются антракта.

При такомъ отношеніи посторонней публики къ университету нечего было удивляться тому безпорядку, который принесла новая революція. Осенью 1918 г. я прочиталъ на плакатѣ, вывѣшенномъ около моей аудиторіи, слѣдующее: «Общее собраніе студентовъ-коммунистовъ и сочувствующихъ перваго московскаго университета считаетъ, что основной задачей пролетарскаго студенчества въ интересахъ полной пролетаризаціи высшей школы—введеніе въ университетъ рабочихъ и бѣднѣйшаго крестьянства, полагая при этомъ цѣлесообразнымъ не отбрасывать въ лагерь контръ-революціи мелкобуржуазной соціалистическій элементъ, стоящій на платформѣ революціи высшей школы». Несмотря на странный

нерусскій жаргонъ, несмотря на двухсмысленное, почти ироническое, словечко о «полной пролетаризаціи высшей школы», смыслъ объявленія былъ понятенъ. Оно означало: этотъ большой бѣлый домъ отнынѣ открытъ для всѣхъ и каждаго съ утра до вечера, и въ немъ можно дѣлать все, что угодно.

Никогда не забуду зимняго семестра 1918-19 года! Дневныя лекціи были отмѣнены, потому что всѣ слушатели оказались занятыми въ правительственныхъ канцеляріяхъ. Кстати, въ бытовомъ отношеніи картина любопытная! Мы, сражавшіеся полвѣка противъ бюрократизма, увидали аудиторіи наши наполненными исключительно чиновниками. И вотъ этой публикѣ, писавшей весь день входящія и исходящія, щелкавшей на счетахъ, утомленной бѣганьемъ за папками, мы должны были въ краткіе вечерніе часы преподнести сгущенную премудрость науки: читать вмѣсто часа полчаса, перерывъ дѣлать въ пять минутъ, спѣшить и ихъ торопить. И опять не забуду трогавшихъ до слезъ настоящихъ студентовъ, изъ за которыхъ собственно только и приходилъ сюда лекторъ, въ которыхъ онъ видѣлъ глубокій интересъ и жадное вниманіе; каково имъ было сидѣть среди непрерывнаго стука дверей, мельканія физіономій, приходившихъ съ улицы и черезъ 5 минутъ исчезавшихъ, среди бульварной променады живого кинематографа, въ который превратился университетъ!

Повторяю, тутъ не было ничего для насъ уди-

вительнаго. Подводился только логическій итогъ давнишнимъ желаніямъ общества, которое не хотѣло вникнуть въ особенности жизни высшей школы, не хотѣло дать ей покой и свою законную жизнь, которое, подобно нервическому ребенку, спѣшило сломать музыкальную игрушку, чтобы посмотрѣть, какой тамъ внутри сидитъ секретъ.

Надо замѣтить, что университетъ пострадалъ еще отъ другого теченія, шедшаго параллельно демократизаціи высшей школы... И въ правительствѣ, и въ обществѣ былъ распространенъ тотъ взглядъ, что университетъ долженъ готовить не только ученыхъ, но также спеціалистовъ-практиковъ, преподавателей, судей, администраторовъ, врачей. Тутъ смѣшивались двѣ различныя вещи: 1) несомнѣнная истина, что дѣятели высшихъ профессій нуждаются въ научной подготовкѣ, откуда слѣдуетъ, что университетская наука должна быть преподаваема также въ спеціальныхъ высшихъ техническихъ школахъ, и 2) то очень сомнительное положеніе, что все это можно соединить въ одномъ учрежденіи, что университетъ, у котораго есть опредѣленная спеціальность, — а я думаю, что она состоитъ въ томъ, чтобы сохранять и развивать научные методы и традиціи,— долженъ отдаваться обученію разнымъ другимъ спеціальностямъ и навыкамъ, готовить самихъ профессіональныхъ дѣятелей.

Мнѣ трудно вамъ изобразить, насколько вторая, по моему, совершенно ложная цѣль мѣшала правильному ходу нашихъ занятій, принижала

его уровень. Она вызывала прежде всего непрерывный контроль со стороны центральнаго учрежденія, совершенно чуждаго всему складу университетской жизни. Надъ нами вѣчно висѣлъ призракъ государственнаго экзамена, къ которому студенты должны были выучить такую-то сумму фактовъ. Учащіеся тратили массу времени на упражненія памяти, преподаватели на выспрашиваніе. Университетъ наполнялся средними студентами, которые смотрѣли на все съ точки зрѣнія трудности или легкости экзаменнаго прыжка. Большинство ихъ отыскивало себѣ того преподавателя, у котораго всего легче сбыть обязательный зачетъ при посредствѣ какой нибудь ничего не значущей формальной работки.

Университетское преподаваніе никогда не знало покоя. Едва университетъ оправлялся отъ какой нибудь большой забастовки, какъ начальство забрасывало преподавателей дѣлами администраціи, заставляя ихъ проводить цѣлые дни въ засѣданіяхъ то совѣтскихъ, то комиссіонныхъ, то судебныхъ; сколько драгоцѣннаго времени пропало на обсужденіе безконечныхъ правилъ, инструкцій, регламентацій, на выясненіе причинъ безпорядковъ, увѣщанія студентовъ и т. д.

Ни о какой свободѣ въ постановкѣ предметовъ, ни о какихъ нововведеніяхъ, вызываемыхъ развитіемъ научныхъ методовъ и открытій, не могло быть и рѣчи; вы встрѣчались со стѣной установленныхъ однообразно по всей имперіи обязательныхъ дисциплинъ.

Особенно несчастливилось наукамъ гуманитарнымъ или общественнымъ, въ которыхъ правительство очень желало бы найти послушнаго исполнителя и очень боялось встрѣтить ядовитаго критика. Въ то время, какъ передъ физикой и астрономіей власти почтительно отступали, сознавая свою некомпетентность тѣмъ болѣе, что находили ихъ безразличными для гражданскаго сознанія, тѣ же власти самоувѣренно вмѣшивались въ область исторіи, политической экономіи, наукъ юридическихъ, не только реформировали, но и проявляли собственное творчество. Въ этомъ смыслѣ смѣна режима не составила существенной разницы и реформа самаго послѣдняго времени лишь завершила давнишнія устремленія. Какъ пролетаризація высшей школы была естественнымъ концомъ расширенія университета такъ точно, введя соціалистическія науки, новое вѣдомство просвѣщенія уступало желанію, знакомому центральной бюрократіи прежнихъ временъ: обезпечить себѣ благонамѣренныхъ гражданъ.

Среди этой обстановки вѣчной суетливости, безпокойнаго дерганія и отвлеченія посторонними дѣлами, подъ давленіемъ непрерывныхъ ортопедическихъ воздѣйствій начальства, высшая школа въ Россіи не смогла выработать тѣ качества, тѣ умѣнья, ту степень искусства, которыя такъ выгодно отличаютъ университеты и высшія школы на западѣ. — Во всякой наукѣ, какъ въ любомъ мастерствѣ, есть своя техника, требующая

систематическаго усвоенія; всякому ученому, какъ бы ни былъ великъ его талантъ и оригинальность, необходимо пройти предварительную стадію ученической работы. Вотъ этой то школы въ собственномъ смыслѣ у насъ и не было.

На меня всегда производили большое впечатлѣніе разсказы русскихъ студентовъ, побывавшихъ въ Германіи и приносившихъ интересный матеріалъ для сравненія съ нами. Неизмѣнно я слышалъ одно и то же. Мы явно превосходимъ нѣмцевъ блескомъ своихъ лекцій, оригинальностью въ построеніи своихъ курсовъ. Но чего у насъ почти нѣтъ, и что тамъ даетъ самый скромный преподаватель: обученіе техническимъ пріемамъ. Тамъ, дѣйствительно, всякій семинарій — маленькая мастерская, гдѣ студентъ учится владѣть орудіями и на доступномъ ему матеріалѣ исполняетъ изслѣдовательскую работу, слѣдовательно, въ маломъ видѣ дѣлаетъ то, что потомъ составитъ содержаніе его жизни.

Мы же, какъ были во времена Грановскаго, такъ и остались при широко поставленномъ просвѣтительствѣ. Мы популяризировали науку, а не готовили ученыхъ и изслѣдователей. У насъ до сихъ поръ великая страна и народы, ее населяющіе, такъ и не получили еще всесторонняго научнаго описанія. У насъ не было движенія науки и не создавалось традицій въ усвоеніи метода.

При одинаковомъ съ Германіей количествѣ студентовъ, мы выпускали неизмѣримо меньше

ученыхъ. Въ Германіи ученый со способностями, но не геніальный, получивъ хорошую техническую выучку, можетъ исполнить рядъ полезныхъ трудовъ. Никто не подумаетъ требовать отъ него обработки крупныхъ широкообъемлющихъ сюжетовъ, и самъ онъ не будетъ ставить себѣ непомѣрной цѣли. Онъ легко найдетъ свое мѣсто и назначеніе: это мѣсто ему укажетъ общая экономія умственнаго труда въ его спеціальности, созданная и регулируемая самой ученой корпораціей. У насъ не существуютъ эти среднія величины, которыя собственно и составляютъ основной корпусъ общества ученыхъ, и при наличности которыхъ только и могутъ возникать крупныя обобщающія работы, открытія, двигающія науку. Мы какъ-то странно колеблемся между самородками, предоставленными собственнымъ силамъ, и массой безпомощныхъ фигуръ, которыя проходятъ университетъ съ сомнительнымъ результатомъ такъ называемаго общаго развитія.

Одинъ случай изъ моего семинарія врѣзался мнѣ въ память. Мы изучали Ѳукидида и между другими темами надо было пересмотрѣть тѣ главы въ исторіи Пелопоннеской войны, которыя даютъ матеріалъ для сужденія о политическихъ воззрѣніяхъ Ѳукидида. Одинъ изъ участниковъ семинарія, не самый молодой студентъ, принесъ тетрадь въ 300 стр., гдѣ о Ѳукидидѣ не было ни одного слова, но пространно излагалось мнѣніе референта о роли личности и оцѣнкѣ личности въ древности сравнительно съ нашимъ време-

немъ, при чемъ выдержки изъ Ѳукидида были замѣнены цитатами изъ Горькаго, Чехова, Толстого. Автору жестоко досталось и отъ товарищей, и отъ меня. Но про себя я невольно подумалъ, что мы, преподаватели, отчасти виноваты въ возможности появленія такихъ безбрежныхъ и безполезныхъ сочиненій. Вѣдь мы всѣ развиваемъ студентовъ на общихъ вопросахъ, мы всѣ рисуемъ имъ широкія перспективы, набрасываемъ послѣднія цѣли науки, но не даемъ имъ упражненія ихъ силъ, вслѣдствіе чего у нихъ и нѣтъ масштаба для измѣренія своихъ данныхъ нѣтъ понятія о томъ, что же дѣйствительно они могутъ исполнить, и нѣтъ представленія о томъ что сейчасъ надо дѣлать въ области науки.

Я очень долго останавливался на недостаткахъ нашей высшей школы. Это было необходимо для того, чтобы выяснить, какихъ намъ надо избѣжать ошибокъ при ея возстановленіи. Я сейчасъ буду имѣть въ виду только частную школу, гдѣ мы будемъ свободны и въ составленіи плана, и во всемъ веденіи дѣла. Не берусь предсказывать какая судьба ждетъ государственный университетъ. Вѣроятно, государство еще долго будетъ находиться въ упадкѣ и матеріальномъ, и интеллектуальномъ. Допустимъ даже, что лица, стоящія во главѣ управленія, будутъ отличаться наивысшей терпимостью. И все таки они не смогутъ поспѣть за громадной, сложной и тяжкой задачей реставраціи науки и преподаванія. Остается

надежда на частную школу, на усилія цеха умственнаго труда.

Значеніе частной школы при такихъ условіяхъ совершенно измѣняется противъ прежняго. Прежде частная школа была только добавленіемъ къ государственной и ставила себѣ цѣлью выполненіе требованій государственной программы. Она старалась какъ можно болѣе походить на государственную. Теперь напротивъ, частная школа, созданная усиліями самихъ мастеровъ ремесла, спеціалистовъ науки и научной техники, будетъ давать образецъ, и этому образцу, можетъ быть, потомъ станетъ подражать государство.

Какъ будемъ мы организовать частную высшую школу? — Разъ навсегда надо покончить съ принципомъ общедоступности. Опытъ университета, начиная съ 1906 года, показалъ, что широко раскрытыя двери даютъ просторъ случайной публикѣ и вызываютъ соблазнъ считать аудиторіи мѣстомъ развлеченія. Преподавателямъ при этомъ навязывается совершенно излишняя задача — просвѣщать малоподготовленныхъ, повторять то, что есть въ пособіяхъ. Нѣтъ, я представляю себѣ, что факультеты частной высшей школы построятся по типу ученыхъ обществъ, научныхъ институтовъ со спеціальными отдѣленіями.

Въ этихъ научныхъ кружкахъ, какъ тѣсныхъ содружествахъ, будутъ объединяться старшіе и младшіе ученые. Вѣдь студентъ съ самаго начала способенъ работать, анализировать и изслѣдо-

вать. Все дѣло въ томъ, что онъ нуждается въ руководителяхъ, которые укажутъ ему мѣрку его силъ, доступныя ему задачи, познакомятъ съ научнымъ матеріаломъ, обучатъ пользоваться орудіями. Работа молодыхъ членовъ научнаго кружка и можетъ, и даже должна быть органически связана съ работой старшихъ, съ настоящими серьезными изслѣдованіями.

Итакъ я представляю себѣ факультеты, какъ соединеніе родственныхъ, близкихъ между собой, научныхъ обществъ. Эти научныя общества въ свою очередь состоятъ каждое изъ двухъ группъ, академической и семинарской, собственно ученыхъ и студентовъ; между ними естественно образуется промежуточный слой молодыхъ изслѣдователей и преподавателей.

Публичность не исключается изъ такой школы. Можно устраивать публичныя засѣданія, доклады о научныхъ изобрѣтеніяхъ и новинкахъ, обзоры движенія научной литературы, бесѣды и диспуты на темы, представляющія общій интересъ. Пусть общество по этимъ публичнымъ засѣданіямъ судитъ, насколько хорошо работаетъ профессіональная высшая школа. Но не въ этомъ будетъ состоять ея внутреняя основная жизнь. Главнымъ дѣломъ здѣсь будутъ научныя семинаріи, доклады и бесѣды на темы спеціальнаго характера, самостоятельная работа студентовъ. Занятія эти ни въ коемъ случаѣ не будутъ собирать большія аудиторіи. Пригодныхъ, достаточно подготовленныхъ къ тому, чтобы избирать ту

или другую спеціальность, окажется сравнительно немного, а руководителямъ школы надо предоставить свободу въ подборѣ вновь вступающихъ. Между прочимъ, требованія, которыя будетъ предъявлять ученая коллегія, послужатъ важнымъ руководящимъ указаніемъ при устройствѣ средней школы. Въ свою очередь ученый институтъ озаботится тѣмъ, чтобы дать своимъ младшимъ сочленамъ техническую подготовку, которой именно недоставало въ нашемъ прежнемъ университетскомъ преподаваніи.

Я уже говорилъ, какъ неблагопріятно отозвалось на защитѣ нашего корпораціоннаго права увлеченіе общей политикой. Я повторяю тоже самое относительно частной высшей школы. Она должна быть политически вполнѣ нейтральной, она должна быть свободна отъ всякихъ оппозиціонныхъ увлеченій. И не только ради своей безопасности, чтобы не вызывать стѣсненій со стороны властей, но и по другой, болѣе существенной и внутренней причинѣ.

Партійныя программы, политическія устремленія стѣсняютъ кругозоръ и принижаютъ уровень научнаго изслѣдованія. Если мы считаемъ, что консерватизму или радикализму нечего дѣлать въ столярной мастерской, на фабрикѣ шелковаго производства, при постройкѣ паровоза, то насколько же больше слѣдуетъ охранить отъ вмѣшательства политики такое тонкое, сложное и чувствительное къ постороннимъ толчкамъ ма-

стерство, какъ научный анализъ и научное описаніе. Я знаю, что мы далеко не избавились отъ предразсудка, который въ сужденіи объ ученомъ дѣятелѣ заставляетъ примѣшивать ссылку на его правизну или лѣвизну; но все-таки я думаю, мы на пути къ тому, чтобы освободиться отъ боевыхъ понятій исчезнувшей эпохи. Послѣднія событія, разгромъ культуры болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, заставилъ насъ почувствовать, что партійныя различія несравненно ниже и ничтожнѣе объединяющихъ насъ научно-профессіональныхъ принциповъ и интересовъ. Наклонъ нашихъ жизненныхъ началъ теперь долженъ быть совершенно инымъ. Я бы такъ выразилъ его: профессіональный союзъ прежде всего; только черезъ его посредство, только черезъ защиту нашего ближайшаго права — къ болѣе широкимъ общественнымъ цѣлямъ.

Можно предвидѣть одно возраженіе. Мнѣ скажутъ: зачѣмъ вы предлагаете свой планъ сейчасъ, когда господствуетъ всеобщая безработица, ни одна семья не можетъ прокормить своихъ младшихъ сочленовъ, и когда ученики всѣхъ ступеней должны либо жить на казенный паекъ или служить въ одномъ изъ фиктивныхъ государственныхъ учрежденій, составляющихъ не что иное, какъ пріюты для безработныхъ? Подождите, пока окончится эта система искусственнаго закрѣпленія всеобщей бѣдности, когда мы выйдемъ изъ этой жизни во временныхъ полевыхъ баракахъ, когда въ странѣ будетъ и производи-

тельная работа, и заработки, и торговля, и возможность отдѣльнымъ семьямъ кормить своихъ дѣтей до момента достиженія ими зрѣлости.

Я отвѣчу: конечно, мы переживаемъ время необычайно тяжкое и крайне неблагопріятное для сосредоточенныхъ научныхъ занятій, и тѣмъ не менѣе нельзя откладывать, дожидаться какихъ-то болѣе счастливыхъ обстоятельствъ. Сейчасъ еще есть возможность собрать разстроенные ряды бывшихъ студентовъ. Каждый изъ насъ по своей спеціальности знаетъ тѣхъ молодыхъ людей, послѣднихъ могиканъ несуществующей болѣе средней школы, которые образуютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для возстановленія университета. Надо разыскать и собрать ихъ, сберечь заложенные въ нихъ таланты. Иначе грозитъ совсѣмъ оборваться слабая культурная нить, связывающая поколѣнія. — Затѣмъ, не надо надѣяться на скорое и самопроизвольное возрожденіе. Какъ бы быстро ни окончился кризисъ, общество еще долго останется слабымъ, бѣднымъ и разстроеннымъ... Если мы теперь будемъ сплачиваться въ профессіональные союзы, вырабатывать корпораціонное право, строить частную школу, мы не только сколотимъ временную защиту отъ свирѣпствующей кругомъ непогоды. Нѣтъ, — гораздо больше: мы создадимъ нѣчто такое, что пригодится для будущаго, чѣмъ воспользуются тѣ, кто придетъ намъ на смѣну, кто имѣетъ право на наше наслѣдство.

Мы не будемъ ждать поддержки отъ государства. Мы понимаемъ, что оно само въ критическомъ положеніи. У насъ только одна просьба къ тѣмъ, кто хотѣлъ бы вернуться къ старой указкѣ свыше въ области научнаго преподаванія. Мы скажемъ, какъ Діогенъ Александру: «не закрывай, пожалуйста, солнца!»

ГРАЖДАНСКІЯ ВОЙНЫ ВЪ РИМѢ

Нигдѣ не было такихъ продолжительныхъ и ожесточенныхъ гражданскихъ войнъ, какъ въ Римѣ. Для историка событія, охватывающія послѣднее столѣтіе республики, интересны потому, что всѣ особенности гражданскихъ междоусобій онъ можетъ тутъ изучать въ наиболѣе выразительной, можно сказать, классически отчетливой формѣ.

Поразительно прежде всего тѣсное сплетеніе гражданскихъ войнъ съ наибольшимъ напряженіемъ имперіализма, съ величайшими успѣхами римскаго оружія извнѣ. Какъ разъ въ то самое время, когда Римъ овладѣваетъ всѣми культурными странами древности, пріобрѣтаетъ богатѣйшія колоніальныя земли, увеличивает свои рессурсы, когда внѣшнее счастье и могущество Рима достигаетъ особаго блеска, тогда то и нарастаетъ расколъ между классами римскаго общества, и усиливается борьба за богатства расширяющейся

имперіи. Внѣшнія войны и внутреннія междоусобія не просто только совпадаютъ по времени. Въ нихъ участвуютъ тѣ же лица, тѣ же вожди и воинственныя группы, тѣ же знаменитые легіоны и провозглашаемые легіонами императоры, т. е. баловни военнаго счастья, тѣ же завоеватели, которымъ достались богатства всего свѣта. Можно сказать, что имперіализмъ и гражданскія войны — двѣ разныя стороны одного и того же сложнаго явленія.

Гражданскія войны въ Римѣ интересны далѣе, какъ явленіе психологическое. Римское общество, италики, которые тянутся за городомъ, ведущимъ съ береговъ мутнаго несудоходнаго Тибра удивительную по упорству, хитрую, тонкую и неодолимую политику — вѣдь въ сущности полудикари, варвары, мужики, точно чудомъ перенесенные въ волшебный міръ греческой, карѳагенской, египетской, сирійской культуры. Внезапно у ихъ ногъ произведенія искусства, блестящая обстановка, въ ихъ распоряженіи сами производители со своей работой и творчествомъ. Немного похоже на то, какъ сейчасъ наши крестьяне очутились въ обладаніи вещей городского комфорта. Голова кружится, глаза разгораются, люди не въ силахъ освоиться со своимъ положеніемъ. Они не сами выработали эту культуру, они не придумали, не изобрѣли ея, они внезапные ея наслѣдники. Они не знаютъ, что съ ней дѣлать, копить ее или растрачивать. Воспроизводить ее они не умѣютъ.

Гражданскія войны — большое пиршество, полное бурныхъ ссоръ, въ которомъ познается психологія недостаточно культурнаго общества, насильственно оторваннаго отъ своей вѣковой патріархальной жизни. Интересно не только настроеніе массъ, но также психологія вождей. Всѣ четыре крупные основатели имперіи, вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ четверо выдающіеся стратеги и военные реформаторы, Марій, Сулла, Помпей и Цезарь, выдѣляются маніей величія, мечтой о какой-то неслыханной монархической власти, жадностью до пурпура, позолоты, блестящихъ тріумфальныхъ процессій, театрально-фантастической обстановки. Сулла самъ присваиваетъ себѣ прозвище Фауста, т. е. божественно-счастливаго смертнаго. Онъ вѣритъ въ свою особенную близость къ великой богинѣ Матери, той самой богинѣ, которая потомъ, въ качествѣ Богородицы, вступила въ миѳологическій міръ христіанской церкви. Цезарь, фривольный, скептическій умъ, публично объявившій безсмертіе души дѣтскимъ предразсудкомъ, однако, въ такой мѣрѣ увлеченъ миражемъ царской обстановки, что готовъ отдаться всякимъ суевѣріямъ: и красные сапожки надѣвать, какіе носили древніе цари, и поощрять пророковъ и бѣсноватыхъ, которые предсказывали, что великій монархъ запада покоритъ волшебный, переливающійся красками земного рая востокъ.

Вотъ это удивительное свойство гражданскихъ войнъ выдвигать крупныя героическія,

сильныя волей и страстями личности заставило Плутарха посвятить большую часть своихъ біографій дѣятелямъ эпохи римскихъ междоусобій.

Любопытны гражданскія войны еще тѣмъ, что въ нихъ широкой струей участвуетъ коммунизмъ. Уже въ началѣ внутреннихъ столкновеній Гракхи вводятъ понятіе народнаго верховенства, практику непосредственнаго вмѣшательства народа во всѣ сферы управленія и тутъ же предлагаютъ народу рѣшить самый важный государственный и соціальный вопросъ, вопросъ о землѣ — и рѣшить на основѣ коммунистическаго принципа націонализаціи земли. Сохранились лишь небольшіе обрывки рѣчей Гракховъ и при томъ не въ подлинной формѣ, а въ переработкѣ легенды, и все-таки изъ нихъ видно, что вся агитація Гракховъ была окрашена ярко коммунистическими идеями. Они хотѣли обосновать мелкіе неотчуждаемые надѣлы хуторянъ, но называли надѣляемыхъ общинниками, членами идеальныхъ коммунъ. Земли они объявили общимъ достояніемъ всего народа; «высшая справедливость требуетъ, чтобы то, что принадлежитъ всѣмъ, и распредѣлялось между всѣми на общинныхъ началахъ». Не должно быть вовсе безземельныхъ гражданъ; если пролетарій не можетъ кормить семью, это значитъ, у него отняли долю общественнаго достоянія, которая приходится ему по праву естественному, общечеловѣческому». Гракховъ окружаютъ литераторы, публицисты, агитаторы изъ среды греческихъ ком-

мунистовъ, и опять, сквозь тусклое стекло искажающей исторію легенды можно распознать черты рѣзкихъ и послѣдовательныхъ атеистовъ, которые предлагали реформаторамъ выбросить вонъ, какъ ненужный хламъ, всю старую римскую обрядность. Консервативнымъ кругамъ Рима эти пріѣзжіе, какъ бы интернаціональные коммунисты, рисовались въ видѣ безпощадныхъ анархистовъ, готовыхъ поджечь Капитолій и покрыть развалинами весь Римъ.

Коммунизмъ и послѣ, во время гражданскихъ войнъ, не сходитъ со сцены, какъ грозная программа общественнаго переворота. Его общую идею постоянно подводятъ подъ разныя практическія требованія: то задолженные крестьяне и нобили хотятъ кассаціи долговъ; такой рѣшительный и умѣлый агитаторъ, какъ извѣстный составитель заговора Катилина, рисовалъ эту кредитную и денежную революцію въ видѣ экспропріаціи экспропріаторовъ. То, чтобы угодить бѣднѣйшему населенію столицы, вожди гражданской войны отмѣняютъ плату за квартиру, и въ перспективѣ явно обнаруживается уничтоженіе права собственности на дома. Но громче всего звучитъ призывъ къ аграрному закону. Въ изображеніи римскихъ историковъ это — основной кличъ обездоленнаго плебейства, римскихъ пролетаріевъ. Это самый страшный звукъ для высшихъ классовъ, что-то въ родѣ «чернаго передѣла», или «вся земля народу».